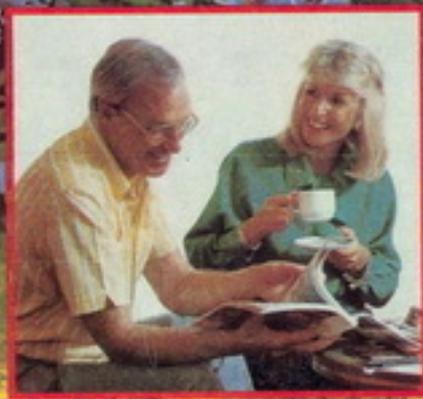

МАРТА
ШРЕДЕР

КОДЕКС
СТРАСТИ

Марта Шредер
Кодекс страсти

1994

Шредер М.

Кодекс страсти / М. Шредер — 1994

Главная героиня романа оказалась на краю жизненной пропасти. От нее ушел муж и оставил ей долги и двух детей-подростков. Но Кэролайн нашла в себе силы устоять перед ударами судьбы. Она поняла, что человек очень многое может в себе открыть, и тогда его жизнь чудесным образом изменится.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марта Шредер

Кодекс страсти

Глава 1

Кэролайн Фолкнер в нерешительности стояла перед дверью кабинета профессора Фрателли, чувствуя себя так, будто по ту сторону двери ее ждет расстрел.

Профессора Фрателли, по прозвищу Разрушитель, тешила его репутация требовательного и сурового преподавателя. Он был грозой для первокурсников юридической школы «Урбана». Если Фрателли казалось, что вы не тянете на юриста, то вы становились жертвой его острословия на потеху всему классу. В течение шести недель занятий по теме «Договорное право», которые вел профессор Фрателли, Кэролайн имела возможность убедиться в действии его насмешек, но она не разделяла мнения сокурсников, будто он самый толковый профессор в школе. Кэролайн считала Дэниела Фрателли хамом. К несчастью, от этого хама зависела ее судьба.

Кэролайн глубоко вздохнула, вытерла потные ладони о синюю твидовую юбку и мысленно сказала себе, что нельзя же вечно стоять перед этой дверью. Она постучала.

– Войдите! – прозвучало глухое рычание за дубовой дверью.

«Ну что он может сделать со мной? Не съест же он меня? Впрочем, может попытаться».

Она открыла дверь и вошла:

– Профессор Фрателли...

Дэниел Фрателли резко повернулся в кресле, которое стояло перед экраном компьютера, и в упор посмотрел на нее:

– А, это вы... Вам что, недостаточно нашего общения на занятиях, мисс Фолкнер?

Кэролайн вся съежилась. Она надеялась, что он забыл об этом. Да, он действительно обращался к ней два раза с вопросами по теме занятий, и в обоих случаях результат был плачевным. В первый раз она, заикаясь, прошептала в ответ что-то невразумительное. Профессор Фрателли приставил к уху ладошку, пожал плечами и обратился с вопросом к кому-то другому, в то время как Кэролайн пыталась договорить начатое.

В другой раз он обошелся с ней еще более оскорбительным образом. Кэролайн подготовилась к занятию, но опоздала в класс. Пытаясь ответить на вопрос, она принялась лихорадочно листать свой блокнот с заметками по обсуждаемому делу. Когда профессор спросил, почему она опоздала, она ответила, что задержалась электричка из Бринвуда. У Фрателли засверкали глаза, и он язвительно высказался в адрес зажиточных снобов, живущих в предместье Мейн-Лайн.

Нет, он все помнит.

– Что привело подарочек Мейн-Лайн школе «Урбана» в мое смиренное обиталище? Позвольте мне заказать для вас чай со сдобными булочками. – В голосе Фрателли слышался сарказм. – Подождите минутку, я только стряхну пыль со своего скромного кресла, прежде чем твид Вашего Грабительства будет осквернен соприкосновением с ним.

Он встал и подошел к ней.

Кэролайн молчала. Она старалась сохранять внешнее спокойствие, но внутри испытывала неуверенность. «Надо разозлиться, – говорила она себе. – Надо разозлиться».

Он стоял слишком близко.

– Я пришла попросить вас... – начала она снова.

– Быть вашим кавалером на котильоне новичков? – засмеялся профессор Фрателли.

В его иронической улыбке было нечто завораживающее. В темной с проседью бородке блеснул ряд белых зубов. Карие с шоколадным оттенком глаза таили в себе опасность.

Он все еще стоял слишком близко.

Кэролайн чувствовала себя Красной Шапочкой, столкнувшейся с Серым Волком. «Это для того, чтобы быстрее съесть тебя, моя милая».

Неожиданно ей стало душно.

– Я пришла просить вас о том, чтобы вы продлили мне срок сдачи письменной работы, – сказала она, стараясь как можно уверенней выговаривать заученные слова.

Собственный голос показался ей слишком писклявым.

– Нет, – сказал он, отошел от нее и опять сел за стол.

– Но... позвольте мне объяснить.

Кэролайн с удовлетворением заметила, что ее голос снова звучит ровно и уверенно.

– Не стоит напрягаться, мисс Фолкнер, – возразил он. – Лучше я вам кое-что объясню. – Он заговорил, загибая пальцы. – Вы посещаете курс занятий, который я имею несчастье вести. Вам было задано написать меморандум по теме объемом в пять страниц. Вы получили задание два дня назад. Работу нужно сдать к следующему четвергу. Вам было дано восемь дней, мисс Фолкнер. А вы уже просите об отсрочке.

Он театрально развел руками и широко раскрыл глаза в притворном ужасе.

– Но, профессор Фрателли...

В голосе Кэролайн прозвучала просительная нотка, и ей стало противно. Она распрямила плечи.

– Я категорически говорю нет, мисс Фолкнер. Любой грамотный юрист напишет такой меморандум за пять часов. У вас же в запасе целых пять дней. – Его неодобрительный взгляд скользнул по ее мягкому голубому свитеру и нитке жемчуга на шее. Он отрицательно покачал головой. – Если вы не способны справиться с заданием, вам лучше расстаться со школой и освободить место для более серьезного человека, который придет сюда не потому, что пресытился клубом садоводов.

– Подождите минутку!

Кэролайн почувствовала, как ее затрясло от злости. Да кем же он себя возомнил, этот самонадеянный болван? Главным судьей Соединенных Штатов?

– Забудьте об этом, мисс Фолкнер. Я не дам вам никакой отсрочки. – Фрателли наклонился вперед, положив на стол большие сильные руки. – Поймите, я не терплю дилетантов вроде вас. Мне кажется, вам не стоит учиться в юридической школе. Возвращайтесь в ваш сельский клуб и не пытайтесь стать юристом. Вам это не по силам. Профессия юриста подходит только людям с бойцовской натурой. Это турнир «Золотая перчатка» для интеллектуалов. А вы вряд ли способны постоять за себя и вряд ли будете способны защитить от беды других людей, даже если от вас будет зависеть их свобода и жизнь. Оставьте правоведение, лучше идите учиться на оформителя интерьеров. – Он перестал смотреть на нее и уткнулся в «Юридический еженедельник». – А теперь покиньте мой кабинет.

– Вы самонадеянный и тупой – Кэролайн онемела от ярости, но потом все же нашла нужное слово. – Ублюдок! – Она вырвала у него из рук журнал и заставила его смотреть на нее, затем заговорила глухим голосом: – Вы думаете, что знаете, какова моя жизнь? Вы ничего не знаете. У вас доисторические представления о женщинах из предместья. Вам достаточно было узнать мой адрес и увидеть, как я одета, и вы тотчас решили, что мне здесь не место. Вы слишком поторопились с выводами, профессор. Я посещаю школу по вечерам, а также по субботам. Вы хоть задумывались, почему?

– Не могу сказать, что задумывался. Мне не приходило в голову размышлять на такую тему, мисс Фолкнер.

Дэниел старался напустить на себя скучающий вид, но при этом испытывал некоторые угрызения совести, потому что солгал. Он часто думал об этой женщине. Он обратил на нее внимание уже в тот момент, когда она, похожая на заблудившуюся принцессу, впервые вошла в класс. Ее белокурые волосы, ее небесно-голубые глаза, ее манера сидеть прямо, высоко подняв подбородок, – все это тронуло его душу. Глупо, конечно. Они были совершенно чужими людьми, и он не хотел думать о ней. Он надеялся, что она откажется от намерения стать юристом, бросит занятия и даст ему возможность забыть о ней.

Кэролайн оставила без внимания его сарказм.

– Очень жаль, иначе вы не выглядели бы сейчас так глупо! – сказала она. – Мне сорок пять лет, и я разведена. Я работаю клерком в архиве – единственная работа, на которую можно устроиться, имея диплом историка. Весь день мной помыкают клиенты и адвокаты, а вечером я прихожу сюда, где на меня давите вы! У меня есть дом, который мне трудно содержать, но который я не могу продать. У меня двое детей, которые учатся в колледже, но похоже, что скоро я не смогу уплатить за их обучение. Моя машина развалилась, и я не могу заменить ее другой. Я сплю в среднем по четыре часа в сутки. Если вас это утешит, мои друзья и дети считают мое посещение юридической школы временной придурью. Но, черт побери, я не стану слушать ни их, ни тем более вас.

Кэролайн перевела дыхание. Какая-то часть ее существа ужаснулась тому, что она позволила себе излить на этого человека ту озлобленность на жизнь, которая скопилась в ней за два года. Она совсем не знала его. И вместе с тем ей стало легче: она сказала то, что требовалось сказать.

– Вы нравитесь мне еще меньше, чем я нравлюсь вам, профессор. – Она решила выговориться до конца. – Мне кажется, долг каждого преподавателя помогать студентам в учебе, а вы вместо того отпускаете в их адрес саркастические шутки и задаете им невыносимые вопросы! Это очень легко – подшучивать над первокурсниками. Почему бы вам не выбрать мишень, равную вам? Или вы считаете, что таких нет?

Кэролайн заметила, что Дэниел Фрателли выглядит слегка растерянным. Но эта перемена в нем длилась всего лишь момент. Он тут же ей возразил.

– Ну почему же? Напротив, я считаю, что таких людей много. Однако вы не относитесь к их числу. Надеюсь, вы меня простите, если я скажу, что после шести недель занятий в школе вы вряд ли получили способность судить о моей компетенции. – Его голос звучал ровно и отчужденно. – Несмотря на ваши многочисленные проблемы, которые, смею предполагать, не заставили вас оказаться среди безработных и бездомных, я не могу продлить вам срок сдачи письменной работы. Вы ведь пришли ко мне по этому поводу, не так ли, мисс Фолкнер?

Дэниел заметил, что его едкие слова вызвали в ней реакцию. Ее щеки покраснели, а в глазах засверкали злые слезы. Хамоватый профессор из южной части Филадельфии лишил ледяную принцессу МейнЛайн ее идиотского самообладания. Он хмуро смотрел на Кэролайн, давая ей возможность собраться с мыслями. Она взглянула на него с легкой улыбкой.

– Да, профессор, я пришла к вам по этому поводу, но мы отклонились от темы. Я должна передать вам письмо от декана Гриерсона, в котором он просит вас продлить мне срок сдачи письменной работы.

Кэролайн вынула из своей потертой, но тщательно начищенной кожаной сумки конверт с письмом и протянула его Дэниелу, стараясь не соприкоснуться с ним пальцами. – Декан просил меня представлять школу Урбана на конференции в Вашингтоне, которая состоится в конце этой недели. Тема конференции – изменения в жизни женщин среднего возраста. Декан считает, что я могла бы выступить там с сообщением о том, что в школе Урбана взрослым женщинам учиться не запрещено. – Она посмотрела на него в упор своими невозмутимыми голубыми глазами. – Я скажу ему, что вы оказали мне поддержку.

«Еще посмотрим, чья возьмет, профессор Фрателли», – с удовольствием подумала Кэролайн.

Он поджал губы и сузил глаза:

– Сделайте одолжение, мисс Фолкнер, скажите ему именно то, что сказал я. Как только будут выставлены оценки успеваемости за первый семестр, мы посмотрим, кто выбыл из школы и кто в ней остался.

Кэролайн открыла дверь и посмотрела через плечо назад. Ей нужно было оставить последнее слово за собой:

– Ах вот как? Значит, во втором семестре у вас не будет лекций, профессор Фрателли? – спросила она сладким голоском и, не дожидаясь ответа, закрыла за собой дверь.

У нее затряслись поджилки, и она прислонилась спиной к двери. Что она натворила? Она поставила под угрозу среднюю оценку успеваемости и, судя по его судорожно сжатым челюстям, нажила себе беспощадного врага в лице профессора Дэниела Энтони Фрателли.

Кэролайн улыбнулась. Теперь ей было все равно, это стоило сделать! Она испытывала восторг. Фрателли относился к ней без уважения и старался всячески унижить ее. Если раньше кто-нибудь поступал с ней также, она улыбалась, ничего не говорила в ответ и ретировалась при первой возможности. Но на этот раз – наконец-то! – ей удалось дать отпор обидчику. Она разговаривала с Дэниелом Фрателли на равных, и последнее слово осталось за ней. Как здорово!

Кэролайн лизнула палец и провела в воздухе воображаемую линию.

– Львы – ноль; христиане – одно очко, – громко сказала она в пустом коридоре.

Поздно вечером Кэролайн села за кухонный столик штудировать учебник по договорному праву и подумала: а может быть, Фрателли не так уж не прав? Возможно, ей лучше бросить школу? Она была уверена в том, что для освоения ежедневных заданий ей требовалось гораздо больше времени, чем ее сокурсникам. Ей казалось, будто она пытается пользоваться ржавой шпагой, тогда как все другие орудуют новыми острыми клинками.

Чертов Фрателли, он безошибочно чувствует ее неуверенность и пользуется этим для того, чтобы поиздеваться над ней.

Зевая и потягиваясь, Кэролайн встала, чтобы заварить себе чай. Заварка из трав и пряностей позволит ей продержаться еще час-другой, пусть и без пользы. Каждый вечер она добросовестно прочитывала заданный для изучения текст, делала подробные выписки и лелеяла надежду, что поняла суть вопроса.

На следующий день она приходила в школу, и профессор Фрателли, задав ей пару саркастических вопросов, приводил ее в состояние прострации. Оказывалось, что она все поняла совершенно неверно.

«Ну что ж, детка, – говорила она себе, – ты хотела найти себе занятие для ума. Ты хотела разобраться в системе, которая позволила Гарри повесить на тебя все долги и уехать с пышной блондинкой в Калифорнию. Получается, что юридическая школа тебе не по зубам».

Ей казалось, что прошло много лет с тех пор, когда ее жизнь была спокойной и безмятежной, если не сказать скучной. Она пыталась вспомнить прежнюю Кэролайн Фолкнер – типичную представительницу среднего класса, живущую в пригородном доме с гаражом и посещающую занятия по аэробике. Двое детей, муж. Счастливая американская семья в стиле конца двадцатого века.

Это было очень давно. Так трудно вспомнить ту спокойную женщину, благополучно плывающую в свои сороковые.

Годы. Века.

Три года назад Гарри покинул ее, объявив, что он и Роксана Торкелсон, его двадцатишестилетняя секретарша, уезжают жить в Южную Калифорнию. Три года назад Кэролайн обна-

ружила, что ее жизнь была построена на песке. Гарри забрал все деньги из Пенсильвании, и они с Роксаной подделали бухгалтерские книги их рекламного агентства, чтобы представить себя банкротами. Кэролайн не имела понятия о том, сколько денег и в какие банки было переведено на счета вымышленных вкладчиков. На суде Гарри выглядел как банкрот, и Кэролайн осталась без материальной поддержки.

Зачем возвращаться к этому? – спросила себя Кэролайн, вздрогнув от свиста чайника. Лучше подумать о том, при каких обстоятельствах устный договор теряет исковую силу по закону о жульничестве. Без всякого сомнения, завтра Фрателли расквитается с ней за отсрочку письменной работы по ходатайству декана. И как бы она ни отвечала на его вопросы, он сделает из нее круглую дуру. Это его талант. Если бы Оливер Венделл Холмс был студентом у Дэниела Фрателли, он тоже выглядел бы идиотом.

Нет, завтра у Фрателли этот номер не пройдет. Кэролайн поставила чашку со свежим чаем на обшарпанный столик у окна. Она должна как следует проштудировать случаи устных договоров, чтобы быть уверенной в себе.

Два часа спустя Кэролайн решила лечь спать. Пусть Фрателли зверствует, но она должна выспаться. Быть может, какой-нибудь профессор также издевался над ним, когда он учился в юридической школе. Эта мысль вызвала у нее улыбку, которая не исчезла, пока она поднималась по витой лесенке в свою одинокую спальню.

Глава 2

На следующее утро, в шесть тридцать, Кэролайн встала, приняла душ и оделась. Она посмотрела на себя в большое зеркало и возблагодарила небеса зато, что ее одежда – скучные классические блузки, юбки и свитера – никогда не выходит из моды. Ей хотелось надеть какую-нибудь новую яркую вещь, которая свидетельствовала бы о том, что ее жизнь сошла с прежней колеи, однако мысли о новых нарядах следовало выкинуть из головы, по крайней мере, на три года, до окончания юридической школы. Кэролайн осмотрела свою розовую шелковую блузку и серую фланелевую юбку. Черный кашемировый джемпер заменял блейзер, которого у нее не было.

Завтрак состоял из подрумяненных ломтиков хлеба и чашки чая. В раковине лежала вчерашняя грязная посуда. Это никуда не годится. Так, ладно, надо покормить кошку и бежать. Если она сумеет прибыть в контору Бордена Ченнинга до появления шефа, то сможет засесть за обработку картотеки, с чем не справилась вчера.

Кэролайн была благодарна Бордену за то, что он взял ее к себе на работу, когда она так нуждалась в этом. Но ей приходилось отрабатывать каждый пенни, который он ей платил. Аккуратная и организованная по натуре, Кэролайн быстро освоила делопроизводство конторы Ченнинга и Мак-Кракена. Насколько она преуспела в этом, можно было судить по тому, как высказывался о ней Борден Ченнинг, разговаривая с одним из клиентов. Он сказал: «Она вытряхнула нас, пропылесосила, причесала и сделала платежеспособными».

Кэролайн уже сидела в архиве, окруженная разноцветными скоросшивателями, когда чуть позже восьми в контору прибыл Борден и попросил ее зайти к нему в кабинет.

– Когда ты приезжаешь на работу, Кэролайн? – спросил он с чарующей улыбкой, которая заманивала в контору фирмы множество пожилых дам с деньжатами. Жена Лиз называла это его секретным оружием.

– Приезжаю по-разному. Я привыкла вставать рано.

Кэролайн удивленно посмотрела на него. «Что за интерес к моим спальным привычкам?» – подумала она.

– Ты выглядишь уставшей, – сказал Борден.

Кэролайн насторожилась. Она подумала, что Борден посоветует ей бросить занятия в юридической школе. Примерно также начинала с ней подобные разговоры и ее дочь Тесса. «Мама выглядит такой усталой, в ее возрасте она не должна ходить ни в какую школу». Почему это в последнее время все, с кем она разговаривала, – и ее дочь, и Дэниел Фрателли – старались отговорить ее от занятий в школе? Неужели и Борден, принявший ее на работу, благодаря которой она могла позволить себе заниматься в школе, неужели и он присоединился к хору недоброжелателей?

– Ну что ты, я чувствую себя прекрасно, – твердо проговорила Кэролайн, подавив зевоту. Одно упоминание об усталости вызывало у нее зевоту.

– Может быть, – сказал Борден с недоверием. – Вчера вечером мне пришла на ум отличная идея. Я хотел бы знать, что ты об этом подумаешь. Но это потребует некоторой жертвы.

– Жертвы?

Кэролайн не нравилось это слово. Она и так уже многим пожертвовала.

– Да. Мне тебя будет очень не хватать, но я хочу, чтобы ты занималась только учебной работой в юридической школе и больше ничем. Если ты пойдешь на летние курсы, то сможешь закончить школу через полтора, самое большее, через два года.

Борден откинулся в кресле и широко улыбнулся.

Кэролайн удивленно уставилась на него. Оказывается, она его недооценивала. Неужели Борден из альтруизма способен расстаться с ценной работницей? Но где ей взять денег? Кому,

как не Бордену, зная о ее шатком финансовом положении, ведь он был ее адвокатом на бракоразводном процессе.

– Это прекрасная идея, Борден, но мне нравится вкусно кушать. Пожалуй, мне придется продолжить занятия по вечерам и субботам.

– Забавно, Кэролайн. Я как раз хотел коснуться вопроса о деньгах.

– И что же?

– А ты их займешь.

Борден казался очень довольным собой: он сидел, откинувшись на высокую спинку своего кожаного кресла и сложив шалашиком пальцы.

Кэролайн была бескомпромиссна. Она не собиралась обсуждать с кем-либо свою денежную проблему, даже с адвокатом, который подписывал бракоразводный договор.

– Я знаю, как ты относишься к долгам, и могу понять твоё нежелание обращаться за помощью в банк после того, как разные банки бомбили тебя требованиями оплатить те долги, которые висели на Гарри.

– И я их оплатила.

Кэролайн встала и подошла к окну. Роскошные занавеси из голубого бархата были раздвинуты, но решетка на окне заслоняла вид на главную улицу Бринвуда. Кэролайн уставилась взглядом в пустоту и, бессознательно ухватившись за край занавеси, стала мять ее в руке.

– Я знаю, что ты оплатила долги, Кэролайн, знаю, какими они были большими и как трудно тебе было рассчитаться. Я не хочу, чтобы ты обращалась за деньгами в банк. Я сам хочу одолжить тебе денег, чтобы ты перевелась в Пенсильванский университет и училась по полной программе. – Он поднял ладонь в знак того, чтобы Кэролайн помолчала. – Пожалуйста, послушай меня. Я разговаривал с деканом Гриерсоном, и он считает тебя способной студенткой.

Кэролайн повернулась к нему:

– Не говори глупости, Борден. Я еще не сдавала экзаменов. Как может декан Гриерсон судить о моих способностях?

«К тому же если профессор Фрателли постарается, мне их не выдержать», – подумала Кэролайн.

– Декан Гриерсон общается со студентами-правоведами уже долгое время и потому может судить, кто из них толковый студент, а кто – бездарь, – ответил Борден. – Если ты переведешься в Пенн, то получишь полное университетское образование. И не говори мне, что диплом Лиги Плюща ничего не значит в наши дни.

– Для меня это не имеет особого значения, – возразила Кэролайн, нахмурившись.

Они уже не раз спорили по поводу университетского образования. Кэролайн не видела в нем необходимости. Для поступления на работу значение будет иметь лишь то, насколько грамотный она юрист. Разве не так?

– Перестань быть идеалисткой, – оборвал ее Борден. – Возьми у меня деньги в долг, без всяких процентов. Вернешь, когда закончишь обучение и придешь работать ко мне – в качестве младшего партнера. Ну как? Что ты на это скажешь?

Несколько мгновений Кэролайн молча смотрела на него. Нет, он не шутил. Он действительно предлагал ей стать совладельцем его фирмы. В настоящее время у него работали двое помощников, недавно закончивших юридическую школу, и Кэролайн было известно, что ни того, ни другого он не собирается делать своим партнером.

Но предложить это ей! Она знала, что Борден доволен ею, и была благодарна ему за то, что он взял ее на работу, ведь это позволило ей учиться. Но она не подозревала, что он видит в ней потенциального юриста и партнера. Кэролайн была поражена. Она почувствовала, как у нее защипало в глазах. В конце концов, кто-то поверил в нее, поверил в ее мечту.

– Спасибо тебе, Борден, – с трудом прошептала она и протянула ему руку. – Для меня это значит больше, чем ты думаешь.

– Я вовсе не изображаю из себя щедрого благодетеля, Кэролайн, – сказал Борден, слегка смущенный ее эмоциональным откликом на его предложение. – Я действительно хочу, чтобы ты серьезно подумала над этим. Брось эту ерунду с вечерней школой. Изучай право, но будь разборчива. Тебе следует общаться с людьми, вроде нас с тобой, а не с какими-нибудь там производителями пиццы.

Кэролайн привыкла к снобизму Бордена. Она давно отказалась от споров с ним и предпочитала видеть в нем только его хорошие стороны.

– Я не могу в полной мере отблагодарить тебя, Борден. Ты и так много сделал для меня. Если бы не ты, я бы не училась в юридической школе. Мне не нужны твои деньги, но я все равно признательна тебе за твою великодушность.

Она вдруг осознала, что Борден все еще держит ее руку, но теперь уже сжимая ее в своих ладонях.

– Не глупи, Кэролайн. Тебе нужны мои деньги, и ты должна перейти в Пенсильванский университет. Тебе уже за сорок. Ты будешь состязаться с одаренными молодыми людьми.

– И ты мне об этом говоришь, – грустно улыбнулась Кэролайн, осторожно пытаясь высвободить руку.

– Тогда ты должна сознавать, что в твоём возрасте тебе нужен самый лучший диплом. – Борден все еще держал ее за руку. – Я знаю, что тебя готовы были принять в университет, но ты отказалась из-за отсутствия денег. Я всего лишь предлагаю тебе возможность получить то образование, которого ты заслуживаешь.

Он отпустил ее руку, вышел из-за стола и подошел к ней.

– Разреши помочь тебе. Я желаю тебе самого лучшего. – Его голос понизился до шепота. – Ты мне небезразлична, Кэролайн.

Кэролайн заметила возбуждение на его лице. Она тут же отступила на шаг и посмотрела на Бордена с бессмысленной светской улыбкой. Эту улыбку она не раз использовала на деловых обедах Гарри с его клиентами. Они иногда заговаривали с ней таким же интимным тоном – в тех случаях, когда им хотелось увести ее за дверь, чтобы поцеловать. Кэролайн не думала, что и у Бордена на уме то же самое. Борден был ее благодетелем и мужем ее лучшей подруги. Поэтому Кэролайн просто отошла от него и улыбнулась.

– Я обещаю подумать об этом, Борден, – сказала она, двигаясь к двери. – Еще раз благодарю тебя за предложение. Ты не знаешь, как много оно значит для меня.

Не дожидаясь его ответа, она повернулась и вышла из комнаты.

– Черт возьми!

Закрывая за собой дверь, она услышала, как Борден ударил кулаком по столу.

Кэролайн проработала весь оставшийся день в архиве, наводя порядок в бумагах, накопившихся за три дня. Это была успокаивающая работа, которая занимала лишь небольшую часть ее сознания. Обычно она думала при этом о своей учебе или о счете в банке.

Но сегодня ее мысли были заняты предложением Бордена. К своему удивлению, Кэролайн обнаружила, что она уже приняла решение: она не возьмет у Бордена деньги. Она должна обойтись без его помощи. И дело не только в том, как он на нее посмотрел. Возможно, она слишком много прочла в этом взгляде. Постоянное недосыпание заставило ее увидеть то, чего на самом деле нет.

Нет, дело заключалось в том, что ей нравилось самой платить за себя и нравилось «Урбана». Ей нравились ее сокурсники. Они приехали из разных мест, придерживались разных точек зрения и понятий и не боялись высказывать их. Кэролайн нуждалась в этих людях с необычным складом ума, они стимулировали ее собственное мышление.

«А может быть, и Фрателли нуждается в них?» – промелькнула у нее мысль.

Черта с два, сказала она себе. Фрателли – заносчивый, злобный тип. Впрочем, такое определение не совсем к нему подходило. Она пожала плечами. С чего это она взялась оценивать Фрателли? Он здесь ни при чем.

Сейчас нужно подумать о том, как сказать Бордену, что она не хочет переводиться в университет и не может взять у него предложенные деньги. Лучше потянуть с этим несколько дней, пусть он думает, что она серьезно рассматривает его предложение.

Зазвонил телефон, и Кэролайн вздрогнула.

– Ченнинг и Мак-Кракен. Архив, – сказала она в трубку.

– Могу ли я поговорить с Кэролайн Фолкнер?

Она еще не разговаривала с ним по телефону, но сразу узнала его хриловатый баритон.

– Профессор Фрателли?

– Мисс Фолкнер?

Значит, он не узнал ее голоса.

– Да, профессор. Чем могу быть вам полезной? – Кэролайн старалась казаться невозмутимой и деловой.

– Я разговаривал с Майком Гриерсоном, – сказал профессор Фрателли. – Он очень высокого мнения о вас, дружок. Он сказал, что вы «пример талантливой недоучки, которая вернулась-таки к учебе и теперь выделяется среди других студентов в силу своей зрелости». – Дэниел Фрателли обозначил голосом кавычки в начале и в конце цветистого высказывания декана. – Он уверен, что вы сделаете хорошую рекламу для школы «Урбана».

Его голос прозвучал сухо и скептически.

«Зато ты в этом сильно сомневаешься», – подумала Кэролайн.

– Мне кажется, я должен дать вам ту самую отсрочку. – Казалось, что эти слова из него вытаскивают клещами. – Трех дней вам будет достаточно, чтобы сделать работу? Или даже этого вам мало, мисс Фолкнер?

– Трех дней вполне достаточно, профессор, – ответила она, подумав про себя: «Я сдам тебе работу с задержкой всего лишь на день, даже если помру из-за этого».

– Чудесно. Я надеюсь, что в следующий понедельник ваша работа будет лежать у меня на столе.

Кэролайн хотела было сказать вежливое «спасибо», но сдержалась. У Дэниела Фрателли были свинские манеры. Черта с два она будет благодарить его.

– Пока, профессор, – сказала она.

Он повесил трубку, не сказав ни слова.

Как она и предполагала, в тот же вечер профессор Фрателли вызвал ее отвечать перед классом. К счастью, Кэролайн четко знала закон о мошенничестве. Она не смогла сдержать торжествующей улыбки, когда Фрателли, оставив без комментариев ее ответ, обратился с вопросом к следующей жертве.

Краем глаза Дэниел увидел эту улыбку, и она его разозлила. Почему в их стычках он всегда оказывается проигравшим? «Значит, у вас не будет лекций, профессор?» – Он все еще слышал ее голос – прохладный и сладкий, как шербет. Он все еще видел ее дерзкую улыбку, с которой она покинула его кабинет.

Дэниел настолько погрузился в мысли об этой вредной женщине, что почти потерял нить ответа вызванного им студента. Это разозлило его еще больше, и он постарался сосредоточить внимание на обстановке в классе, прежде чем кто-либо заметил его задумчивость.

После занятий Кэролайн обычно направлялась к метро, чтобы доехать в компании с другими студентами до станции «Пригородная», где она пересаживалась на электричку, идущую до Бринвуда. Занятия заканчивались не так уж поздно, но с наступлением темноты одинокая

женщина чувствовала себя в городе неуютно. В особенности одинокая женщина, привыкшая к богатому и благоустроенному пригороду.

В этот вечер, однако, двое ее сокурсников задержали ее и завели разговор о занятиях. Они были известны ей как мисс Элдер и мистер Келли. У них всегда на кончике языка был готов ответ на любой вопрос преподавателя. Кэролайн завидовала их умению держаться с достоинством.

– Я Сьюзен Элдер. А вы – мисс Фолкнер, не так ли? – улыбнулась девушка. – А это – Кевин. – Она показала на высокого рыжеволосого молодого человека, стоявшего рядом с ней. – Мы работаем с ним в паре: я обобщаю случай, а он находит юридический прецедент. – Сьюзен Элдер снова улыбнулась, слегка смущенно. – Мы ищем кого-нибудь, кто мог бы – ну, как бы это сказать – проигрывать с нами случаи заключения договоров. И поскольку вы кажетесь нам такой грамотной...

Кэролайн смотрела на нее широко открытыми глазами, не веря в столь лестную оценку своих достижений. Сьюзен оборвала себя:

– Но, кажется, вы ни в ком не нуждаетесь...

– Нет-нет, это не так! – Кэролайн схватила Сьюзен за руку. – Простите мне мой равнодушный вид. Я просто задумалась о том, как вы оба уверенно держитесь в классе. Мне бы хотелось присоединиться к вашей группе, но будет ли вам от меня польза?

– Но вы всегда находите ответ на вопрос Дэниела-Разрушителя и не теряетесь перед ним. А у меня деревенеет язык, как только он обратится ко мне: «Мисс Элдер», – Сьюзен великолепно симитировала рычание Фрателли.

Кэролайн засмеялась:

– Трудно в это поверить. Я всегда восхищалась спокойствием вас двоих. Когда вы встречаетесь? Вы оба, наверное, тоже работаете днем?

– Ну да. Мы встречаемся по субботам после учебы и по воскресеньям где-нибудь в другом месте. Я живу в пригороде с мамой, а Кевин снимает квартиру здесь, в городе. А вы где живете, мисс Фолкнер?

– Пожалуйста, называйте меня Кэролайн. Я живу в Бринвуде. – Она взглянула на часы. – И мне лучше поторопиться, иначе я опоздаю на электричку. Увидимся в четверг на гражданском праве.

– Мы идем с вами. Я живу в Ардморе. Пошли, Кевин.

Кевин, еще не сказавший ни слова, закинул за плечо свой рюкзачок и присоединился к ним.

– Бот и хорошо, – сказала Сьюзен. – Вы мне не дадите спать до Ардмора. В прошлый раз я заснула в поезде и доехала почти до конца маршрута. Маме пришлось ехать за мной на машине в Дейлсфорд, и это не доставило ей удовольствия.

Они спустились в метро.

– Я толкну вас в бок, когда мы будем подъезжать к Ардмору, – заверила ее Кэролайн. – А еще мы можем поговорить о непосредственной причине и преступной халатности. Это подержит вас в бодрствующем состоянии. – Кэролайн состроила серьезное лицо, когда они проходили через турникет на платформу.

– О да, над этим можно даже посмеяться, – весело сказала Сьюзен. – Мне бы хотелось, чтобы вы присоединились к нашей группе, Кэролайн. Я бы научилась у вас свысока смотреть на профессора Фрателли.

Кэролайн удивилась:

– Я ни на кого не смотрю свысока. От этого можно окосеть.

Однако она задумалась над словами Сьюзен. Напускная заносчивость служила ей защитой всякий раз, когда она испытывала растерянность перед такими людьми, как Фрателли.

К платформе подошел поезд. Кэролайн выбросила из головы все мысли о договорном праве и о злобном профессоре и вошла в вагон вместе со своими новыми друзьями.

Глава 3

Две недели спустя, в четыре часа дня, Кэролайн, попивая чай, стояла под сводами библиотеки юридической школы Урбана в окружении выпускников школы, преподавателей и нескольких избранных студентов.

Это был День приема у декана – ежегодное мероприятие, устраиваемое ради того, чтобы напомнить выпускникам о традициях школы и дать им возможность неформально пообщаться с преподавателями и друг с другом.

Кэролайн получила приглашение на этот вечер от декана Гриерсона, на которого она произвела большое впечатление своим выступлением на конференции в Вашингтоне;

Впрочем, Кэролайн было бы приятнее узнать, что ее письменная работа произвела впечатление на профессора Фрателли. Ей удалось сдать работу с запозданием всего лишь на день по отношению к сроку, и этот факт доставил ей большое удовольствие, но, кажется, ничуть не повлиял на отношение к ней Дэниела-Разрушителя. Он даже не поднял на нее глаз, когда она подошла к нему после занятий. Она подала ему папку с рукописью, он прорычал что-то неразборчивое и засунул рукопись в свой обшарпанный портфель.

Кэролайн огляделась и увидела по ту сторону зала декана Гриерсона в окружении холерных мужчин среднего возраста. Не иначе как выпускники школы, и декана волнуют их чековые книжки. Кэролайн почувствовала легкое покалывание в затылке. Она медленно обернулась и встретила взглядом с профессором Фрателли. Он насмешливо смотрел на нее. В туфлях на высоких каблуках она казалась почти одного роста с ним.

Она попыталась отвести взгляд в сторону, но не сумела. «Не будь дурой, – сказала она себе. – Ты ведь не заколдована. Посмотри куда-нибудь в сторону. Например, на декана».

– Профессор Фрателли, – проговорила она напряженным голосом, продолжая смотреть на него в упор.

Дэниела заворожили глаза Кэролайн Фолкнер. В уголках этих темно-голубых глаз притаились улыбчивые морщинки. Он не мог отвести от нее взгляда.

«Скажи что-нибудь», – приказал он себе.

– Мисс Фолкнер, я не ожидал увидеть вас здесь.

– Иначе бы вы не пришли сюда?

Голос Кэролайн был полон сарказма. Она еще шире открыла глаза, удивляясь самой себе. Никогда прежде она не была такой грубой. Профессор Фрателли скривил губы в сардонической ухмылке, которая обычно предшествовала его колкостям. Кэролайн глубоко вздохнула и взяла себя в руки.

– Нет, мисс Фолкнер, я все равно пришел бы. Прием у декана – обязательное мероприятие.

– Дэниел! Мисс Фолкнер! – прозвучал басистый голос декана. – Я хочу, чтобы вы познакомились с нашими выпускниками, которые не испугались погоды и приехали сегодня в Северную Филадельфию. – Он обратился к джентльмену в костюме из ткани в тонкую полоску. – Дэниел – наша звезда. Он только что закончил правку хрестоматии по заключению договоров и, в конце концов, выступит на конференции по защите прав на недвижимость.

Кэролайн заметила, что Дэниел Фрателли смотрел на декана и двух выпускников так же свирепо, как на своих первокурсников. «Вот невежа! – подумала она. – Он готов наругать кому угодно, независимо от статуса человека и его доходов».

– А это – Кэролайн Фолкнер. Мисс Фолкнер самая лучшая ученица вечернего отделения школы. Кэролайн, Марк Штайнер тоже был студентом-вечерником, а теперь он – самый видный в Филадельфии адвокат по делам о защите недвижимости.

Кэролайн и Марк Штайнер улыбнулись друг другу. – Днем я работал клерком у Вулворта, а вечером посещал занятия. – У Штайнера были приятный голос и открытая улыбка. – Я все это хорошо помню. У вас никогда не было ощущения, что между веками нужно вставить зубочистки, чтобы глаза не закрывались?

Кэролайн засмеялась:

– Признаюсь, что сон – это роскошь. Я всегда жду воскресенья, чтобы выспаться как следует.

– Я тоже помню эти воскресенья, – сказал Штайнер. – Полчаса на чтение газет, и затем – изучение сборников показательных случаев.

– Как приятно сознавать, что это можно пережить.

Кэролайн смотрела на Марка Штайнера, но ее затылок жгло, будто там был сфокусирован луч лазера. Дэниел Фрателли стоял сбоку и чуть позади нее. Она слегка покрутила головой. Смешно. Этот человек вовсе не смотрел на нее. Она просто слегка спятила, наверное, от перенапряжения на занятиях.

– Конечно, это можно пережить, – пробасил декан. – Кэролайн, вы говорите об этом так, будто юридическая школа Урбана – форпост испанской инквизиции.

Какой-то бесенок заставил Кэролайн сказать:

– Вы знаете, декан, некоторые профессора очень напоминают Торквемаду.

Она не смотрела на профессора Дэниела Фрателли. Она и без этого чувствовала, что он закипает.

– Некоторые профессора стараются создать на занятиях атмосферу соревнования, в которой оказываются начинающие юристы, покинув школу. Зверь кусает зверя. Выживает сильнейший, – произнес Фрателли с хрипотцой.

Он приблизился к Кэролайн почти вплотную, и она увидела на его лице легкую улыбку.

– Интересная аналогия, профессор Фрателли, ответила она, подняв голову и расправив плечи. – Я думала, что мы говорим о законе как предмете изучения, но, кажется, вы проповедуете закон джунглей.

– Приятно видеть, что студент может на равных спорить с профессором, как это было принято у нас в Гарварде, – сказал декан Гриерсон с гаснущей улыбкой. – Штайнер, я вижу профессора Гранта. Вы помните его? Должны помнить: он ведет курс защиты права. Уверен, что он не прочь встретиться с вами.

И без лишних слов декан проворно увел адвоката по недвижимости на встречу с профессором.

– Вряд ли декану понравился наш обмен мнениями, профессор, – сказала Кэролайн.

– Не знаю, – улыбнулся ей в ответ Дэниел. – Это дало ему возможность упомянуть о Гарварде. Он обожает говорить об этом.

Кэролайн почти не слышала его. Она была очарована его улыбкой, как бы приглашавшей ее разделить с ним его искреннее веселье. Кэролайн была вовлечена в силовое поле, порожденное этой улыбкой, и даже не заметила, как начала улыбаться в ответ. Это был инстинктивный отклик.

«Этого нельзя делать», – сказала себе Кэролайн.

Она не поддавалась никаким инстинктам уже два года, с тех пор как рассталась с Гарри. Она была заперта в башне, как Рапунцель, и поэтому испугалась потока живой энергии, исходящей от Дэниела Фрателли. В ее жизни не осталось места для мужчин.

Дэниел дотронулся до ее руки:

– Что-нибудь не так, мисс Фолкнер?

– Нет!

Кэролайн отдернула руку. Его прикосновение было еще опасней, чем улыбка. Кроме того, она не выносила этого Фрателли. Он был самолюбивый маньяк, который получал удовольствие,

насмехаясь над студентами. Однако чем больше она думала о нем, тем менее правдоподобным ей это казалось. В этом человеке, который с участием смотрел на нее сейчас, было что-то привлекательное, но Кэролайн не хотелось доискиваться, что именно.

– Со мной все в порядке, профессор.

– Тогда почему вы от меня шарахаетесь? Вам будто недостает креста с распятием, чтобы помахать им передо мной.

Он казался рассерженным. Улыбка исчезла, а вместе с ней и участие. Теперь это был прежний мрачный Фрателли, и Кэролайн облегченно вздохнула.

– Мне приходила в голову такая мысль, – сказала она, – но все же я не воспринимаю вас как графа Дракулу из Трансильвании.

– До графа я не дотягиваю. – В его голосе слышался привычный сарказм. – Узнав графа-вампира, вы бы тут же захотели вбить в него осиновый кол. В вашем перечне действующих лиц я фигурирую как сицилийский крестьянин, не так ли, мисс Фолкнер?

Он шагнул к ней, и Кэролайн отступила на шаг, чтобы держаться от него на расстоянии, но у нее за спиной оказалась одна из колонн, поддерживающих своды зала. Кэролайн почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Она увидела золотистые искорки в карих глазах профессора и почувствовала слабый запах крема, которым пользуются после бритья.

– Нет, профессор Фрателли. Неужели вы забыли? Вы – Торквемада, великий инквизитор.

К радости Кэролайн ее голос не дрогнул и она не отвела взгляда. Ей даже удалось изобразить прохладную улыбку.

– Вы считаете, что эта характеристика мне подходит, мисс Фолкнер? – Он не отступил от нее ни на шаг и продолжал всматриваться в ее глаза. – Я не вижу сходства.

– Мы редко замечаем наше сходство с кем-нибудь, – прошептала Кэролайн и попыталась проскользнуть мимо него.

Дэниел сделал незаметное движение и загородил ей путь:

– Вероятно, вы думаете о себе как о старом добром мистере Чипсе, – сказала Кэролайн, глядя в эти ироничные глаза цвета черной патоки.¹

Дэниел улыбнулся ей. Куда-то исчезла его антипатия к белокурой и бледной мисс Мейн-Лайн. Сейчас он получал удовольствие от словесного поединка с достойным соперником. Он заметил, как быстро пульсирует жилка у нее на шее. Значит, не только у него ускорился пульс.

– Давайте уйдем отсюда. Я куплю вам чего-нибудь выпить в знак примирения, – сказал он, не думая, что говорит.

Кэролайн посмотрела на него как на чокнутого.

– Это Дэниел Фрателли, или в ваше тело внедрилось чужое существо? – спросила она с опаской.

– Нет никаких чужих существ, мисс Фолкнер; это мистер Чипс. Время от времени я становлюсь добрым старым учителем. Вы можете воспользоваться одним из таких моментов. Они случаются лишь раз в месяц.

Кэролайн приказала себе разжать кулачки. Он с ней просто шутил. И вообще, что страшного в том, чтобы пойти выпить с Дэниелом Фрателли? Она не знала ответа и не хотела этого выяснять.

– Спасибо, профессор Чипс, но я должна успеть на свой поезд.

Его это взбесило. Кэролайн Фолкнер отказалась от его предложения, не задумавшись ни на миллисекунду. Никакого панибратства с низшими социальными слоями! Потом до него все же дошел смысл ее слов.

– Неужели вы пользуетесь метро в такое позднее время? – удивленно спросил он.

¹ Мистер Чипс – герой романа Д.Хилтона «Прощайте, мистер Чипс» – добрый школьный учитель. Книга очень популярна в Англии и США. Существует две ее экранизации 1939 и 1969 гг. – примеч. ред.

Кэролайн казалась такой элегантной и неприступной. Она не думала о том, что с ней может случиться беда и она не будет знать, что делать.

Сестры Дэниела могли бы поведать Кэролайн, что их брат не способен позволить какой-нибудь женщине оказаться в городе одной и незащищенной. Он мог смириться с их претензиями на равенство с мужчинами, но он никогда не простил бы себе, если бы какая-нибудь из его знакомых пострадала потому, что его не было рядом.

Кэролайн удивленно воззрилась на Дэниела. Он был похож на старого беспокойного дядюшку.

– Да, профессор, конечно, я пользуюсь метро. Здесь поблизости не поймать такси. Как еще мне добираться домой после занятий? – Она встряхнула головой и посмотрела на часы. – Сейчас только шесть часов. Насильники выходят на улицы после семи тридцати согласно уставу их союза... Все равно, спасибо вам, профессор.

Беспечно махнув рукой, Кэролайн повернулась и направилась к двери. Дэниел схватил ее за руку и дернул на себя так, что ее волосы взметнулись веером.

– Вы совсем дурочка, как я вижу, – процедил он сквозь зубы. – Нельзя так легкомысленно относиться к преступникам. Их жертвой может стать кто угодно. Моя кузина подверглась нападению, и поверьте, ваша светлость, это не шуточное дело.

– Пожалуйста... ну, пожалуйста... отпустите меня. – Кэролайн роняла каждое слово, как кубик льда в напряженной тишине. – Мне жаль вашу кузину. И я вовсе не легкомысленна: не в моих привычках шататься по кладбищам, но я уже большая девочка и способна одна добраться до станции «Пригородная». Теперь отпустите меня, пока моя рука не потеряла чувствительности. – Она подняла брови и насмешливо посмотрела на него.

Дэниел ослабил хватку, но не отпустил ее руку.

– Я знаю, что вы не выносите меня. Но если я пообещаю не произносить ни единого слова, вы позволите мне отвезти вас домой?

– Нет. Пожалуйста, не надо, в этом нет необходимости.

– Тогда до станции?

– Это, кажется, то, что в хрестоматии по договорному праву называется предложением и контрпредложением?

Кэролайн снова попыталась высвободить руку.

– Хорошо сказано, мисс Фолкнер. – Дэниел не мог не улыбнуться. – Да, это мое контрпредложение. Все, что вы должны сделать, это кивнуть головой в знак согласия, и мы заключим прелестный договор.

– Тут ведь ни при чем законодательные акты по фрейдистским проблемам, верно? – Кэролайн улыбнулась в ответ, вспомнив свое успешное выступление в классе по этим актам. – Наше соглашение не стоит пятисот долларов и может быть выполнено за год.

– Ладно, ладно, вы великолепны. – Дэниел поднял руки, шутливо признавая свое поражение. – Так вы принимаете?

– Наверное...

Кэролайн высвободила руку. Ее жест не был очень вежливым, но ей и не хотелось быть вежливой. Было так приятно не думать о хороших манерах. У Дэниела Фрателли вообще не было заметно хороших манер, хотя он был истинно добрым человеком, по крайней мере, в некоторых отношениях. Например, в том, чтобы не допускать в метро среднего возраста женщин в туфлях на высоких каблуках и узкой юбке. Но учтивые машинальные «пожалуйста» или «не кажется ли вам», которые занимали важное место в жизни Кэролайн, не имели места в его жизни. Как ни странно, Кэролайн это нравилось. Она могла расслабиться и говорить так, как чувствовала.

– Декан снова направляется к нам, – шепнула она. – Давайте тихонько пойдем к двери.

Машина Дэниела была завалена книгами и папками. Он умудрился освободить место для Кэролайн, просто побросав часть бумаг и книг на заднее сиденье.

Кэролайн спросила:

– Вы уверены, что для меня есть место? Вам нужно расставить книги по полочкам в вашей юридической библиотеке на заднем сиденье.

– Так случилось, мисс Фолкнер, что я храню книги на заднем сиденье. Садитесь и пристегивайтесь. Вам придется переносить мой плебейский способ передвижения всего несколько минут.

До этой реплики Кэролайн ощущала хорошие чувства даже к Дэниелу Фрателли, но теперь ее кроткое настроение испарилось. Она вспомнила, что собиралась перенести эту поездку, не выходя из себя. Ха!

– Скажите, профессор Фрателли, не можем ли мы провести пять минут вместе без этой старомодной социалистической риторики о том, как я угнетаю рабочий класс? Что во мне такого, что заставляет вас произносить подобные глупости?

От гнева ее голос звучал ниже, чем обычно. Кэролайн никогда не вопила, не визжала, всегда говорила законченными фразами. Ее дети признавались ей, что от этого им делалось еще страшнее, когда она сердилась на них. Но это не оказало действия на Дэниела Фрателли. В тот день, когда она просила его о продлении срока сдачи работы, она кричала на него, но это тоже не вывело его из равновесия.

Он засмеялся:

– Мне нравится, когда вы защищаетесь. Я думаю, что все дело в вашем очаровательном черном костюмчике с белой шелковой блузкой и в жемчуге. Очень шикарно. Очень дорого. Великолепно для сноба из Мейн-Лайн, посетившего трущобы низшего класса.

– Вы не могли бы прекратить нести эту чепуху насчет Мейн-Лайн, как вы думаете? – спросила Кэролайн. – Мне трудно вам передать, до чего это скучно.

– Простите, что утомляю вас, герцогиня.

Он прикусил язык. Все время так получается: как только ему кажется, что он почувствовал теплоту и живость в Кэролайн Фолкнер, как он уже знает, что сейчас она скажет нечто вселенски-усталое и скучнее и ему захочется хорошенько встряхнуть ее.

– Вы проехали «Пригородную», – сказала Кэролайн. – Для того, кто так торопится избавиться от меня, вы недостаточно хорошо смотрите, куда едете.

– Я еду в Бринвуд.

– Послушайте, у нас ведь договор. Одна сторона не может самовольно вносить изменения, профессор.

– Бринвуд, мисс Фолкнер.

– Согласна на компромисс: станция на Тридцатой улице. Следующая остановка.

Кэролайн дотронулась до его руки. В первый раз она добровольно прикоснулась к нему, и ее рука обожгла его, как огонь. Кэролайн почувствовала, что Дэниел вздрогнул.

Дэниел ощущал, как жар ее руки распространяется в нем до самых нервных окончаний. «Пусть она едет на своем проклятом поезде, если ей так хочется», – сказал он себе. Чем быстрее она выйдет из машины, тем лучше. Не говоря ни слова, он повернул на Тридцатую улицу и въехал на стоянку перед вокзалом. Затем повернулся к своей пассажирке с жестом, обозначающим: «Вот мы и на месте».

Кэролайн поспешно принялась отстегивать ремень. Она выскочила из машины, как будто очень хотела скорее расстаться с ним.

– Спасибо, профессор Фрателли.

– Пожалуйста, в любое время, мисс Фолкнер.

«Никогда больше, мисс Фолкнер».

Как только она исчезла в вокзальной толпе, Дэниел погнал машину прочь от вокзала, прочь от Кэролайн Фолкнер, с ее гладкими волосами и духами, благоухающими, как весенний луг. Этот черный костюм с юбкой выше колен. Эти черные чулки на длинных, длинных ногах. И эти высокие каблуки... «Остановись же, Фрателли. Выбрось все это к чертям из головы. Она – ледяная блондинка из Мейн-Лайн. – И наконец на поверхность всплыла неприятная мысль: – Прямо как Элисон».

Он заставил себя ехать домой медленно. Заплатил няне, которая сидела с ребенком, и поднялся наверх посмотреть на свою дочку. Сара уже спала. Дэниел пошел на кухню налить себе чего-нибудь выпить. Наклонившись над стойкой, он глубоко вздохнул.

«Слава Богу, с этим покончено».

Глава 4

Кэролайн взяла свой аккуратно напечатанный конспект, водрузила на нос очки для чтения в роговой оправе и начала еще раз:

– Случай О'Коннора важен...

– Чей случай, Кэро?

Круглое лицо Сьюзен Элдер нахмурилось от напряженного внимания.

Кэролайн оглядела членов учебной группы, собравшихся в ее гостиной. Кевин и Сьюзен растянулись на полу, положив под спину сине-белые диванные подушки. Нил Кассиди сидел по-турецки, как индийский гуру, в выцветшем свитере и изношенных джинсах. Все они были без обуви. Поношенные туфли валялись на полу.

– Это насчет хирурга по пластическим операциям, который ошибся, исправляя нос, и сделал его курносым.

– Ах да. – Кевин вытянул вперед свои длинные ноги. – Я помню. И... истица утверждала, что врач обещал ей внешность какой-то старой кинозвезды.

– Хеди Ламарр, – подсказала Кэролайн, вспоминая свое детство. – Дело в том, что здесь действительно была налицо преступная небрежность врача, но истица выиграла на теории подразумеваемого договора. Фрателли сказал в классе, что это важно, потому что это стирает границу между договором и гражданским делом о нанесении ущерба. Какие будут комментарии? – спросила Кэролайн.

Молчание.

Она огляделась вокруг. Она единственная сидела на стуле, но, за исключением этого, внешне почти не отличалась от своих одноклассников: джинсы и свитер, туфли сняты, ноги поджаты под себя.

– Я плохо объяснила? У вас такой вид, как будто вы сейчас заснете, но Фрателли наверняка под конец даст нам что-нибудь о нанесении ущерба. Он в прошлом году написал об этом статью в Колумбийское юридическое обозрение.

Четыре пары глаз безучастно смотрели на нее.

– Честно говоря, Кэро, – сказала Сьюзен, – если не считать истории про испорченный нос, я в жизни не читала ничего скучнее. После этого курс по истории флотской профессиональной этики, который я слушала в колледже, кажется романом Тома Клэнси.

– Правда-правда. – Кевин, который немного заикался, наконец почувствовал себя раскованно в группе и заговорил. – Договоры – это невероятно скучно. Даже... битвы между вами и Ужасным Дэном не могут нас надолго взбодрить, Кэро.

– Я с ним не воюю. – Кэролайн села немного прямее. Она почувствовала красноречивую краску на своих щеках. – У меня просто есть несколько вопросов к профессору Фрателли.

– Ну да, после того, как он припек вас, вы перевели огонь на него. – Нил усмехнулся. Он передразнил мягкий голос Кэролайн: – Боюсь, что я не понимаю, почему суды считают соглашения по привилегиям справедливыми. Разве тем они не наказывают бедных и необразованных людей, которые не могут нанять дорогих адвокатов?

Кэролайн засмеялась вместе со всеми.

– А вы не знали, что он составлял договоры по привилегиям для какого-то процесса быстрого приготовления пищи? – спросила Сьюзен. – Это была серьезная заявка стать знаменитым, когда он еще был практикантом-юристом. О нем даже статьи писали.

– Нет, – сказала Кэролайн, – я не знала. Откуда мне знать? А откуда вы знаете?

– Я посмотрела его файл в базе данных компьютера, – ответила Сьюзен. – Там есть очерк о нем из «Американского юриста». Фрателли был компаньоном в какой-то большой юридической фирме в Нью-Йорке. Знаете, на Уолл-стрит, где вы представляете бандитов из корпора-

ции по семьдесят часов в неделю и они платят вам до черта долларов, которые вы не успеваете тратить.

– Вот это настоящая жизнь, – сказал Кевин, потянувшись и зевнув. – Работать как дурак, десять – пятнадцать лет, а потом выйти на пенсию и купить остров с пресной водой, кокосовыми орехами и роскошным домом.

Сьюзен проигнорировала его слова:

– Ну вот, Фрателли быстро продвигался вверх. Бесспорно, он революционизировал договоры по привилегиям, чтобы в бизнесе легче было избавиться от непорядочных дельцов.

– И он еще посмел назвать меня снобом! – Возмутилась Кэролайн.

– Когда это было? Я не помню, чтобы он про вас говорил что-то личное в классе после той его чепухи насчет жителей Мейн-Лайн. – Сьюзен нахмурилась. У нее была великолепная Память. Ее явно раздражало, что она не может вспомнить высказывание. – Ваши стычки – самое интересное, что у нас бывает в классе, Кэро. Не оставляйте этого занятия, а то мы все сойдем с ума.

Кэролайн замолчала. Она вспомнила: Фрателли назвал ее снобом, когда она встретила с ним на приеме у декана. Ей не хотелось рассказывать в группе, что она встречалась с Дэном на приеме. Она вообще не хотела вспоминать об этой встрече. Вспоминая, она снова чувствовала тепло, исходившее от его руки, когда он дотронулся до нее. Об этом невыносимо было думать.

– Так мы вернемся к оценке ушибов, или нам пора признать, что уже ночь? – Кэролайн взглянула на часы. – Сейчас половина одиннадцатого. Все остальное, кроме этого, мы сделали. Я думаю, надо передохнуть. Пожалуйста, доедайте попкорн и печенье. Если что-то останется, я...

Ее прервал звонок телефона. Она извинилась и вышла с телефоном на кухню. Звонила Тесса. Кэролайн вздохнула. Она не чувствовала себя уверенной, что готова воспринимать список Тессы, состоящий из всех тех вещей, которые Кэролайн не могла купить, хотя все девочки в колледже их имели. Это было как молитва, и, по крайней мере, раз в неделю Кэролайн приходилось это выслушивать.

У нее болело сердце за своих детей. Тессе и Бену приходилось нелегко. Их уровень жизни резко снизился. Гарри практически исчез из их жизни, если не считать нерегулярных телефонных звонков, обычно спустя несколько недель после дня рождения. Ни подарка, ни даже открытки.

– Привет, дорогая, как дела?

Кэролайн знала, что ее голос звучит неестественно бодро, но ничего не могла с этим сделать.

Тесса никогда не признавала, что ее отец был в чем-то не прав. Во всем была виновата Кэролайн, как будто Гарри не ушел бы, если бы она была лучшей женой – умнее, сексуальнее, богаче. Кэролайн понимала: Тесса пытается убедить себя, что мать будет любить ее, несмотря ни на что, и никогда не бросит ее, как это сделал отец. В то же время Кэролайн должна была помогать Тессе переносить непростые реалии ее жизни.

– Ой, мама, привет! Слушай, в следующие выходные все поедут кататься на лыжах в Поконос. Ты не могла бы прислать мне сотню или полторы, чтобы я тоже могла поехать? В этом сезоне я еще ни разу не каталась на лыжах. Я раньше всегда ездила.

У Тессы был грустный голос. Кэролайн вздохнула. Тесса до сих пор оглядывалась на то время, когда ее семья еще не распалась и никто особенно не думал, что сколько стоит.

– Тесса, дорогая, ты же знаешь, мне в конце месяца надо платить за учебу, и Бену нужны книги по новым предметам, так что я боюсь... – Голос Кэролайн звучал неуверенно. Ей было ужасно неприятно, что она не может дать Тессе всего, к чему та привыкла. – Я просто не могу представить, как еще растянуть свою зарплату. Это просто невозможно, Тесса. Извини.

Голос Кэролайн стал тверже. Она глубоко вздохнула.

– Ох, мама, я больше ничего не прошу! Почему мне нельзя поехать? Ведь это всего сто долларов. – Голос Тессы все больше сбивался на плач.

Кэролайн закусила губу, сама не понимая, что она чувствует: жалость, гнев или просто унижение оттого, что она не может позволить своему ребенку совершить поездку, о которой два-три года назад она бы даже не задумалась.

– Послушай, дорогая, мы ведь уже говорили об этом. Нам всем надо привыкнуть тратить меньше денег. И мы говорили насчет работы, Тесс, если ты действительно хочешь иметь карманные деньги.

– А как насчет папы?

Кэролайн почувствовала кислые нотки в голосе Тессы и поспешила успокоить ее, попытавшись сделать вид, что все не так уж катастрофично:

– Ну ведь ты всегда можешь позвонить ему, но ты знаешь, что он не всегда отвечает так, как тебе бы хотелось. Но попробуй, позвони, если тебе кажется, что это хорошая мысль.

– Я не могу ему звонить, – сердито сказала Тесса. – В прошлый раз, когда я ему звонила, ответила она. Я не могу разговаривать с ней. Ты бы, мама, позвонила ему и попросила для меня.

– Я думаю, что папа предпочел бы услышать просьбу от тебя, Тесса. Тогда гораздо больше вероятности, что он пошлет тебе деньги.

На самом деле Кэролайн была совершенно уверена, что Гарри никому не пришлет денег. Он жил на милостьню своей матери. Семейный бюджет находился в ее руках, и она выделяла из него деньги для Гарри. Его инфантильность, которая всегда была ему присуща, с годами только усилилась, особенно после того, как он потерял свой бизнес и переехал в Калифорнию.

Тесса молчала.

– Слушай, Тесс, – сказала Кэролайн, – может быть, я найду для тебя двадцать долларов, если тебя это спасет. Завтра же пошлю тебе чек. Боюсь, это единственное, что я могу сделать. – Кэролайн вздохнула и попыталась улыбнуться. Хотя Тесса этого не видела, все равно Кэролайн стало немного легче.

– Спасибо, мама. Может быть, я позвоню папе насчет остального. – Тесса помолчала минуту. Кэролайн уже знала, что за этим последует, и мысленно собралась с духом. – Тебе, кажется, надо платить за обучение, правда? Полагаю, что это гораздо важнее, чем все, что нужно мне и Бену.

Голос Тессы был еще раздраженнее, чем слова. Когда бы ни зашла речь о юридической школе, Кэролайн чувствовала, как растет негодование Тессы.

Отношение Тессы так раздражало Кэролайн, что, услышав эти упреки, она начинала относиться к своей дочери почти неприязненно. В такие минуты она чувствовала свою вину за то, что не ощущает любви к собственному ребенку.

Кэролайн так сжала телефонную трубку, что у нее побелели суставы на пальцах. Она снова почувствовала себя побежденной.

– Ладно, Тесса, – сказала она спокойно, – довольно. Мы это уже обсуждали. Ты можешь позвонить папе, если тебе угодно, но я бы хотела, чтобы ты подумала об устройстве на работу. Когда я в последний раз к тебе приезжала, было много объявлений.

– Да, мама, – уныло проговорила Тесса. – Мы никогда не договоримся насчет юридической школы или работы. Ты ведь знаешь, что, если бы ты не платила за школу Урбана, мы не были бы в таком тяжелом финансовом положении.

– Ты еще не рассказала мне, как прошла неделя, – заметила Кэролайн, твердо решив сменить тему.

– Нету времени, мам. Надо бежать в компьютерный центр. Пока!

Кэролайн медленно повесила трубку и на минуту прислонилась к стене, закрыв глаза, чтобы не расплакаться. Почему после разговора с Тессой она всегда чувствовала себя опустошенной и виноватой? Она спросила себя, твердо ли ее решение стать адвокатом.

Может быть, она поступает эгоистично, удовлетворяя в первую очередь свои потребности, а не потребности детей? Если бы речь шла об их учебе в колледже, Кэролайн отложила бы мечты о собственной учебе на потом. Но, к счастью, а может быть, к несчастью, мать Гарри сделала вклад на учебу Бена и Тессы много лет назад. Осталось заработать только на дополнительные расходы. Но сколько же этих дополнительных расходов: одежда, книги, путешествия, карманные расходы – список можно продолжать бесконечно.

Дети тяжело пережили развод, Кэролайн знала об этом, но она считала, что после ухода Гарри они с детьми станут ближе. Вместо этого они с Тессой замкнулись каждая в своей скорлупе, не в состоянии спокойно общаться друг с другом. Бен не изливал своих эмоций на мать, но прятался за едкой иронией.

Хватит об этом, решила Кэролайн, глубоко вздохнув и открывая глаза. Она выпрямилась и тут увидела Сьюзен Элдер, стоящую в дверях с пустой тарелкой в руке.

– С вами все в порядке? – спросила она. – Плохие новости?

– Нет, нет, ничего подобного. – Кэролайн вымученно улыбнулась. Это Тесса звонила. Она старается звонить раз в неделю. Я, кажется, говорила, что она учится на первом курсе в Бакнеле?

Кэролайн почувствовала, что ее защитная броня встала на место. Ее улыбка превратилась в фальшиво сияющую, голос стал звонким и веселым. Гордая и счастливая мама после телефонного разговора со своей умной дочкой.

Сьюзен смотрела на Кэролайн. Что отражалось в ее глазах? Жалость? Кэролайн надеялась, что нет. Голос Сьюзен звучал отстраненно:

– Что ж, я рада. Может быть, когда она приедет на каникулы, мы с ней познакомимся.

– Надеюсь, что да.

Улыбка Кэролайн стала еще менее искренней. Ее дочь не захочет знакомиться с их учебной группой.

Тессу возмутило, что мать поступила в юридическую школу, и меньше всего она хотела бы знакомиться с кем-то, кто с этим связан.

– Вернемся к оценке ущерба? – спросила Кэролайн.

– Нет уж, на сегодня хватит. Может быть, Фрателли во вторник прольет свет на эту тему.

Четверо студентов отнесли свои стаканы и тарелки на кухню. Тщательно рассортировав, они разделили оставшееся шоколадное печенье на равные кучки и завернули их в целлофан, чтобы унести по домам. Одна из причин, по которой воскресные занятия обычно проходили у Кэролайн, заключалась в том, что у нее была большая гостиная. Другой причиной было то, что Кэролайн иногда пекла печенье, чего все остальные не могли себе даже представить.

Кэролайн высунулась за дверь, наблюдая как четверо ее друзей забираются в старенькую малолитражку и отъезжают. Кэролайн очень любила свою группу. Она иногда думала, что не сможет выучить, сохранить в памяти и, наконец, применить все те юридические знания, которые она старалась впитать. Но группа могла выработать совместное решение задачи, которую по отдельности они не сумели бы решить.

Был холодный вечер поздней осени, и машина Кевина уже давно скрылась за углом. Кэролайн встряхнулась и вернулась в дом. Она обошла гостиную, машинально взбила подушки и поправила абажуры на лампах. Потом поразмышляла, не доставить ли себе удовольствие и не почитать ли в постели детектив. В конце концов, ведь уже вечер воскресенья, последние часы выходных. Ей было бы нетрудно убедить себя, что она заслужила отдых.

Звонок телефона разорвал тишину воскресного вечера. Снова Тесса? А может, это Бен решил сделать один из своих очередных звонков? Снимая трубку, Кэролайн слабо улыбалась этой мысли.

Звонил ее экс-муж.

Разговор с Гарри требовал большого напряжения.

Гарри воспринимал обыкновенную вежливость со стороны Кэролайн как скрытую уловку вернуть его обратно. Он был то снисходительным, то самодовольным из-за того, что считал неумелыми попытками Кэролайн заманить его в сети. Кэролайн не знала, смеяться ей или плакать. Она не хотела, чтобы Гарри вернулся. Она не знала, каким он стал теперь. Человек, который способен жить в роскоши в Малибу, позволяя матери любовно ухаживать за собой, в то время как его дети вынуждены отказываться от вечеринок и свиданий, был не тем, за которого Кэролайн выходила замуж. А может быть, он всегда таким был? Может быть, она никогда по-настоящему не знала Гарри Фолкнера? Эта мысль была ужасна. Если Кэролайн так ошиблась в человеке, которого она должна была знать лучше всех в мире, значит, она ни о ком не может судить.

Гарри сразу перешел к делу:

– Слушай, Кэро, ты бы объяснила Тессе, чтобы она не надоедала Роксане. Тесса мне сегодня звонила и просила денег. – Гарри явно был обижен. – Правда, Кэро, ты можешь научить чувству ответственности? Я работаю, как вол, чтобы начать новое дело. У меня нет лишних денег, чтобы Тесса могла съездить отдохнуть на выходные.

– Какое новое дело?

С тех пор как Гарри уехал из Пенсильвании, это было уже третье.

– Прокат дельтапланов. Никто еще такого не делал. Это будет грандиозное предприятие. По всей стране.

Гарри лопался от энтузиазма. Он говорил так, как будто продавал идею перспективным инвесторам.

– Прокат дельтапланов по всей стране?

Кэролайн не верила своим ушам.

– Ну, конечно. Это идея, час которой настал.

– Гарри, но в Канзасе или Айове даже холмов приличных нет. Откуда там планировать?

– Вот опять ты, Кэролайн, всегда начинаешь занудствовать. Ладно, у меня больше нет времени для бессмысленных разговоров. Просто объясни Тессе, что у меня сейчас нет лишних денег из-за моего нового проекта.

– Разве ты сам ей не объяснил, почему ты не можешь дать...

– Я не могу разочаровать мою куколку. Ты ведь не хочешь, чтобы она считала своего папу неудачником. Я сказал ей, что попытаюсь найти деньги и, если мне удастся, позвоню тебе. Так что ты только подожди до вторника или среды, позвони ей и скажи, что я не смог. – Гарри говорил быстро, как всегда, когда он хотел, чтобы кто-то выручил его из неприятной ситуации. – В конце концов, Кэролайн, тебя ведь никто не заставляет тратить деньги на юридическую школу. Если ты ее бросишь, у тебя будет на тысячу в год больше для Тессы и Бена.

Кэролайн ожидала чего-то подобного от Гарри. И хотя она знала, что он давно ее не слушает, она сделала еще одну попытку:

– Гарри, но ведь ты мог бы попросить свою мать помочь детям...

– Кэролайн, мы это уже обсудили. Официальные последствия того, что мы дадим им какие-то деньги, будут ужасны для мамы и для меня. Ты как никто другой должна это понять. Сейчас у меня нет времени. Мы с Роксаной идем на вечернюю прогулку. Просто скажи Тессе, что я не могу ей помочь.

Кэролайн глубоко вздохнула и подумала, что с книгой придется подождать. Она вдруг заметила, что пол в кухне пора вымыть. Вернее, что ей пора заняться мытьем пола. Кэролайн использовала уборку дома для разрядки своих эмоций. В последние два года дом сверкал как никогда раньше. Даже, несмотря на юридическую школу и работу, у Кэролайн часто возникала потребность мыть и чистить.

Внезапно Кэролайн села на корточки посреди кухни, окруженная мыльной пеной, и засмеялась. Она вдруг представила себе Гарри с крыльями в виде престарелого Икара, пры-

гающего с крыши сарая в Айове. От этого зрелища ей стало так хорошо, что она бросила на середине немытый пол и пошла спать.

Глава 5

На следующий вторник Дэниел вошел в класс со стопкой бумаг в руках, и в ту же минуту раздался звонок. Все уже несколько дней гадали, когда они получат свои работы. Кэролайн смотрела на стопку с подозрением. Она почти боялась узнать, что ей поставил Фрателли. Ведь это ее первая оценка в юридической школе, и поставить ее должен именно Фрателли.

Урок закончился, и Кэролайн вместе с другими подошла к профессору Фрателли получить свою работу. Когда она назвала свое имя, он, не поднимая глаз, что-то буркнул и велел ей подождать, пока он раздаст остальные работы. Кэролайн нетерпеливо ждала в стороне, пока однокурсники выходили из класса, поспешно открывая последний лист в поисках оценки, чтобы уже потом вернуться к чтению профессорских комментариев.

И вот наконец Кэролайн осталась наедине с Дэниелом Фрателли в просторном пустом классе. Она ожидала в нетерпеливом молчании, пока он тщательно укладывал свой портфель.

Дэниел поднял глаза.

– Вы ждете свою работу? – сказал он.

– Да, как вы просили, – ответила Кэролайн сквозь зубы.

Этот человек с каждым днем становился все невыносимее. Когда она покончит с договорным правом и с Дэниелом Фрателли, то перед уходом выскажет ему все, что она думает о его мелочном преследовании.

– Да, да, конечно. Я поставил вам оценку, хотя работа была сдана позже срока.

На следующий вторник Дэниел вошел в класс со стопкой бумаг в руках, и в ту же минуту раздался звонок. Все уже несколько дней гадали, когда они получат свои работы. Кэролайн смотрела на стопку с подозрением. Она почти боялась узнать, что ей поставил Фрателли. Ведь это ее первая оценка в юридической школе, и поставить ее должен именно Фрателли.

Урок закончился, и Кэролайн вместе с другими подошла к профессору Фрателли получить свою работу. Когда она назвала свое имя, он, не поднимая глаз, что-то буркнул и велел ей подождать, пока он раздаст остальные работы. Кэролайн нетерпеливо ждала в стороне, пока однокурсники выходили из класса, поспешно открывая последний лист в поисках оценки, чтобы уже потом вернуться к чтению профессорских комментариев.

И вот наконец Кэролайн осталась наедине с Дэниелом Фрателли в просторном пустом классе. Она ожидала в нетерпеливом молчании, пока он тщательно укладывал свой портфель.

Дэниел поднял глаза.

– Вы ждете свою работу? – сказал он.

– Да, как вы просили, – ответила Кэролайн сквозь зубы.

Этот человек с каждым днем становился все невыносимее. Когда она покончит с договорным правом и с Дэниелом Фрателли, то перед уходом выскажет ему все, что она думает о его мелочном преследовании.

– Да, да, конечно. Я поставил вам оценку, хотя работа была сдана позже срока.

– Она была сдана не позже срока, профессор. Вы мне продлили срок. – Кэролайн с трудом сдерживалась, чтобы говорить спокойно.

– О, разумеется. – Он взглянул на нее с сардонической улыбкой. – Если бы я этого не сделал, вы получили бы ноль за сдачу с опозданием, и мне не пришлось бы читать вашу работу.

– Почему же вы не отдаете ее мне, если оценка уже поставлена?

Ну вот, опять ему это удалось: Дэниел Фрателли потянул за веревочку, и Кэролайн взорвалась от гнева. Предсказуемая реакция, как у собаки Павлова.

– Я должен подержать рукопись еще день или два.

Это было невыносимо. Она должна знать свою оценку, ведь это первая оценка ее успехов в школе. После того как она столько лет ничему не училась и так сильно сомневалась в своих

возможностях, ей нужно было знать, как профессор оценивает ее работу. Даже мнение Дэниела Фрателли в этот момент что-то значило:

– Почему вы хотите задержать работу? Мне нужно знать свою оценку, профессор. Есть ли какая-нибудь причина, по которой я не могу узнать ее, или это ваш особый стиль поведения со снобами из Мейн-Лайн?

Кэролайн трясло от нервного возбуждения и гнева, но она не была напугана. Лучше бороться, чем позволить на себе ездить.

– Послушайте, мисс Фолкнер, – поднял руки Дэниел, – я не пытаюсь чинить препятствия. Я задержал вашу работу, чтобы сделать с нее копию. Копию сделать нужно для того, чтобы послать ее в комиссию по награждениям. Я рекомендую вас в кандидаты на первый приз среди первокурсников.

Кэролайн молча уставилась на Фрателли. Он рекомендует ее работу на приз? Наверное, она ослышалась. Он, должно быть, сказал «вниз» или что-то еще, только не «приз».

– Не смотрите на меня так, мисс Фолкнер, а то я начинаю думать, что у меня на лбу вырос третий глаз. – Кэролайн не отвечала. – По крайней мере, закройте рот, – сказал он сухо. – Вы выглядите, как деревенская дурочка.

Вот это уже был прежний Фрателли. Значит, она не бредит.

– Это... это хорошая работа? – спросила Кэролайн.

– Разумеется, это хорошая работа, мисс Фолкнер. Я не стал бы рекомендовать плохую работу, не так ли? Вы получили пятерку.

Дэниел смотрел на нее из-под густых темных бровей. Он и раньше знал, что Кэролайн Фолкнер красивая женщина. Еще на приеме в деканате он заметил ее необыкновенные голубые глаза. Когда они разговаривали, его охватило физическое влечение, такое же еле уловимое и незабываемое, как запах ее духов. Но сейчас он впервые увидел, как Кэролайн наконец сбросила с себя груз своей строгой одежды и сдержанного поведения. Сейчас победная улыбка Кэролайн Фолкнер могла бы осветить весь город.

Дэниел уже признался сам себе, что ему доставляет удовольствие злить Кэролайн. Он считал, что это ей полезно. Обычно она старалась сдерживать свои эмоции и все же всегда реагировала на его подначки.

Когда она злилась, то становилась красивее. Но он не был готов к встрече с этой, вновь обнаруженной Кэролайн – гордой, уверенной в себе, светящейся торжеством.

Кэролайн все еще не знала, что сказать. Ей казалось, будто гигантский камень только что свалился с ее груди, как будто в ее венах забурило шампанское.

Она это сделала! Она получила пятерку в юридической школе Урбана. Предвкушение будущих пятерок, удовлетворения от хорошей работы по выбранной специальности заполонило ее мысли. Независимо от того, что думают ее дети, или бывший муж, или кто угодно еще, она будет чертовски хорошим адвокатом!

Но самым хорошим, совершенно неожиданным и замечательным было то, что именно Дэниел Фрателли вручил ей ключи в этот мир. Если бы кто-нибудь другой, а не Фрателли со своей сардонической полуулыбкой стоял перед ней, она бы, наверное, не удержалась от того, чтобы обнять его и издать крик неподдельной бурной радости.

Это была удивительная минута. Несмотря на неудобство, которое Кэролайн ощущала в присутствии Фрателли, она хотела поблагодарить его, немного поделиться с ним своими чувствами. Она улыбнулась ему и дотронулась до его руки. По ее пальцам как будто пробежала искра, но на этот раз она не отдернула руку.

– Профессор, – сказала она, не успев подумать о том, что говорит, – я бы хотела это отпраздновать. Давайте ненадолго забудем о наших расхождениях. Пожалуйста, позвольте мне угостить вас выпивкой.

– Вы мне ничего не должны, мисс Фолкнер, – резко сказал Дэниел, убирая руку за спину. – Вы заслужили свою оценку и рекомендацию. Не стоит меня благодарить. Я сделал бы это для любого ученика.

Можно было не сомневаться, что Фрателли остудит ее пыл холодным душем. Его слова звучали так, как будто поставить Кэролайн пятерку было самым трудным делом в его жизни. Как будто, приглашая его выпить, Кэролайн пыталась подкупить его, чтобы он ставил ей пятерки до конца семестра. Она повернулась к двери, мысленно давая себе обещание больше никогда в жизни не говорить приятного мужчине, что бы он ни сделал.

– Ну что же, еще раз спасибо, мистер Чипс, – сказала Кэролайн, повернувшись спиной к Дэниелу.

– Я не чувствую себя сегодня по-чиповски, – ответил Дэниел с каменным лицом.

– Да, пожалуй. Но, видимо, вы это чувствовали, когда оценивали мою работу. – Кэролайн помахала рукой. – А именно это сегодня важно.

Поспешно идя по коридору к двери, Кэролайн слышала медленные шаги Дэниела Фрателли за своей спиной, как будто он специально старался не догнать ее.

– Мы угощаем, Кэролайн. Вы единственная получили пятерку!

Кевин Келли, обхватив руками спинку стула, сидел в кафетерии на первом этаже школы. Была суббота, и их учебная группа встречалась в одной из аудиторий наверху.

– Он совершенно прав, в виде исключения, – не удержался от колкости Нил Кассиди. Это был изящный юноша с соломенного цвета волосами и голубыми глазами. В Ниле Кассиди все казалось блеклым, размытым. Кэролайн он напоминал недодержанную фотографию. Но его мозги были совсем не блеклыми. Он мог с кристальной ясностью изложить свои идеи кому угодно. – Пойдемте, пока в баре не кончились крендели.

Баром назывался кабачок в двух кварталах от школы. На неоновом знаке над дверью было написано просто «Бар». Говорили, что второй хозяин снял первоначальное имя, но у него не хватило денег его изменить. Уже много лет бар оставался просто «Баром», и если у него когда-то и было другое имя, то все его давно забыли. Внутри было темно и накурено, и ранним субботним вечером помещение пульсировало голосами и движениями студентов, неплохо проводящих там время за столиками.

– Пива для всех, идет? – проорал Нил, перекрикивая завывания гитары Эдди ван Халена, раздающиеся из автоматического проигрывателя. – Кэролайн?

– Отлично! – прокричала она.

Кэролайн не очень любила пиво, но в тот момент покупка шотландского виски была за пределами ее финансовых возможностей, а идея купить в баре белое вино представлялось сомнительной. Пиво более или менее годилось.

Они выпили за Кэролайн, а потом друг за друга; оставшаяся тройца получила по четверке или по четверке с плюсом за работу по договорному праву. Они хохотали и поддерживали подобие разговора под шум и музыку на верхнем уровне децибелов. Кэролайн была им всем благодарна. Обычно ее субботний вечер ничем не отличался от вечеров с понедельника по пятницу. Даже пиво, выпитое вместе с однокурсниками, было для нее событием.

В конце концов, Сьюзен сказала, что она должна идти встречать свою мать из кино, и все договорились увидеться на завтра у Кэролайн. Теперь их встречи по выходным длились дольше. Был уже ноябрь, дело близилось к устрашающим экзаменам первого семестра, и напряжение усиливалось.

Они расстались прямо у бара, и Кэролайн повернулась, чтобы пройти полквартила до метро. Было еще только шесть часов, и на улице были люди. Кэролайн быстро двинулась в путь, как вдруг почувствовала, что кто-то схватил ее за руку.

Она рванулась, приготовившись завопить и одновременно доставая из сумочки газовый баллончик, который всегда носила с собой.

– Пожалуйста, не кричите, мисс Фолкнер, – сказал Дэниел Фрателли. Он поднял руки над головой, насмешливо улыбаясь. – Я вижу, студентка готова к самообороне.

Кэролайн со свистом выдохнула воздух и попыталась остудить свой адреналин.

– Сначала следовало бы заговорить с человеком, профессор, а потом уже хватать его, – сказала она прерывающимся голосом. – Прошу прощения, но я вас не видела. Откуда мне было знать, что это вы?

– Полностью признаю свою вину. Я остановил вас, чтобы попробовать пригласить вас выпить, как уже предлагал вам на приеме у декана.

Дэниел ежился от холода. На нем был твидовый плащ и клетчатый шерстяной шарф вокруг шеи.

– Это очень мило с вашей стороны, но я только что вышла из «Бара».

– Тогда вам действительно необходимо выпить. Пойдемте, за этим углом есть маленькое спокойное местечко. Вход только для взрослых с тихими голосами, а из музыки только Телониус Монк и Вивальди, улыбнулся Дэниел.

Кэролайн почувствовала, что ей хочется пойти с ним. Опять эта улыбка: она делала его веселым и добрым, его энергия превращалась в теплоту. Все в его характере, что казалось таким чужим, растворялось в улыбке. Когда он улыбался, Кэролайн каждый раз осознавала, почему она никогда не понимала Дэниела Фрателли. Инстинктивно она тоже ответила улыбкой.

Дэниел увидел ответную улыбку и, не дожидаясь слов, взял Кэролайн за руку и повел через улицу в невзрачное заведение без всякой вывески. Интерьер был под стать звучавшему там неспешному джазу.

Все было выполнено в розово-лиловых и серых тонах с серебром, с художественными украшениями на стенах. Дэниел посадил Кэролайн на одну из скамеек, снял пальто и сел напротив нее. На нем была зеленая клетчатая рубашка и коричневый твидовый жилет.

Каким-то образом все это хорошо сочеталось с его потертыми джинсами и кроссовками.

Кэролайн смотрела на Дэниела через стол. Его глаза блестели, а на губах играла улыбка. Густые темные волосы, тронутые сединой на висках, были всклокочены, и прядь волос упала на лоб. Кэролайн никогда еще не видела его таким привлекательным.

Почти красивым, заключила она. Почти.

– Что бы вы хотели? – спросил Дэниел, когда подошел официант. – Забавного маленького Шардоне?

Его улыбка показала Кэролайн, что он смеется не над ней, а над снобами, которые, говоря о вине, дают ему человеческие характеристики.

– Я пила мексиканское пиво, – предупредила Кэролайн.

– Наверное, в баре это самое безопасное. Но здесь я ручаюсь за вино. Я возьму немного калифорнийского Зиндфанделя, Арт.

Заказав то же самое, Кэролайн подумала, что профессор Фрателли, очевидно, часто сюда заходит, раз он знает имя официанта.

– Предупреждаю вас, что Зиндфандель не забавный. Скорее, немного скучный, – сказал Дэниел.

– Я все-таки рискну. – Официант вернулся со стаканами, и Кэролайн поднесла свой стакан к стакану Дэниела. – Большое вам спасибо за вино, профессор. Я ценю, что вы свернули с пути...

Дэниел ответил гримасой:

– Я вовсе не любезен, и вы это знаете. Я никогда не бываю любезным. Я пригласил вас сюда, потому что увидел вас и подумал, что это неплохая идея.

Кэролайн глотнула вина. Она все еще настороженно относилась к Дэниелу, но вино было хорошее, и пока что Дэниел-Разрушитель был более чем вежлив. Просто мил. Почти очарователен. Конечно, если идти старым путем, через пять минут они начнут спорить. Но будет гораздо труднее скрестить шпаги с человеком, который считает, что она заслужила приз. Неужели тот факт, что она оказалась хорошей студенткой, сделал Дэниела таким приятным? Кэролайн не была уверена, что ей уютно с вежливым и очаровательным Дэниелом Фрателли. Она могла защититься от его сарказма и неодобрения, но как ей соблюсти дистанцию, когда он улыбается, шутит и выглядит таким оживленным?

Дэниел оценивающе посмотрел на нее:

– Мне нравится ваш свитер. Вам идет голубой цвет. Носите его чаще.

– Спасибо. – Кэролайн наклонила голову. Свет отражался в ее волосах, придавая им оттенок неяркого солнечного сияния. – Суббота – это единственный день, когда я не еду в школу прямо с работы и поэтому могу одеться свободно.

Несколько минут они сидели в непринужденном молчании, пока Дэниел не сказал:

– Надеюсь, это означает, что мы можем прекратить наши споры. Нам удалось поддерживать вежливую беседу целых, – он взглянул на часы, – десять минут. Как вы думаете, если перед каждым занятием выпивать по стакану вина, мы сможем создать такое же благодушное настроение?

– Это интересная мысль, – сказала Кэролайн, – но я думаю, что будет то же самое, если я обещаю не поднимать руку в классе, а вы согласитесь не вызывать меня. Если мы не будем разговаривать друг с другом, то не сможем спорить.

– Это очень трусливая идея, мисс Фолкнер, хотя я должен признать, что вы действительно много возражаете в классе.

То, что Кэролайн Фолкнер не соглашалась с ним, было, с точки зрения Дэниела, одним из ее подкупающих качеств. Она всегда была вежлива, но смело высказывала свои мысли, на что редко решались другие первокурсники.

– Я не считаю, что это простые возражения, профессор, – строго сказала Кэролайн, еле сдерживая улыбку. – Мы обмениваемся мнениями.

Она подняла подбородок. Ей было слишком много лет, чтобы ее мог смутить Дэниел Фрателли, даже когда он озадачивал ее, становясь просто приятным. Это навело Кэролайн на другую мысль, которая охватила ее, как порыв холодного ветра. Она смотрела его резюме в каталоге юридической школы. Профессору Дэниелу Энтони Фрателли было тридцать семь лет, на семь лет меньше, чем Кэролайн. Вероятно, многим женщинам эта разница не показалась бы слишком большой, но они не учились в школе с людьми одного возраста с их детьми. Их не учил преподаватель на несколько лет младше, чем они. Возможно, это была всего лишь минутная слабость, но Кэролайн стало неуютно.

В такой ситуации глупо было сидеть, улыбаясь этому человеку, как будто они коллеги или даже друзья. Пусть она старше его, и все же он ее учитель, человек, которому предстоит познакомить ее с тайнами будущей профессии. Теперь Кэролайн чувствовала себя легко в своей группе, хотя поначалу ее смущало, что она гораздо старше их всех. Но, сидя за столиком с Дэниелом Фрателли, она опять почувствовала разницу в возрасте. Может быть, подумала она, Тесса права, и она ведет себя как дура, пытаясь стать адвокатом и изменить свою жизнь. Почему ей так важен возраст Дэниела Фрателли? Ведь не потому же, что она им увлеклась.

Эта мысль повергла Кэролайн в смятение. Что за глупости. Разумеется, она не увлеклась Дэниелом. Абсурдная идея.

– Я думаю, что наши споры в классе можно назвать бурным обменом мнениями или полной и откровенной дискуссией, как обычно говорят дипломаты о провалившейся мирной конференции. – Дэниел поднял стакан. – Я рад, что вы пришли сюда, и рад, что мы не спорим. Мне нравится, когда вы улыбаетесь.

Он протянул руку поверх маленького круглого столика и дотронулся до руки Кэролайн.

Кэролайн не могла отвечать. Она запаниковала и быстро убрала руку. Пора уходить от этой улыбки, и от вина, и от электрического тока, который исходит от его руки. Мысль о том, чтобы сблизиться с теплым и дружелюбным Дэниелом Фрателли, явно пугала. Новые отношения не стояли в планах Кэролайн. Она принялась надевать свою парку.

– Куда вы? – встревоженно посмотрел на нее Дэниел.

Он получал удовольствие, впервые за много месяцев расслабившись в обществе яркой и привлекательной женщины, и вдруг у нее на лице появилось это выражение испуганной крольчихи и она собралась уходить. Как раз тогда, когда им почти уже стало уютно вместе. Он первый раз он почувствовал себя по-настоящему хорошо с Кэролайн Фолкнер. Может быть, дело было в свитере и вельветовых брюках вместо обычной строгой юбки и блузки.

– Домой. Если я поспешу, то как раз успею на поезд.

Дэниел снова посмотрел на часы:

– Последний поезд на Бринвуд уходит в семь тридцать? По субботам? Куда катится наша железнодорожная система?

– Нет-нет, не последний, но последний из тех, каким я хотела бы ехать.

Кэролайн не хотелось объяснять, что от поезда ей еще четыре квартала идти по улицам, где мало фонарей и еще меньше тротуаров.

– Разрешите, я довезу вас. Тогда вы сможете остаться и поужинать со мной. Здесь у них превосходный салат из тунца. По-моему, они называют его как-то по-французски, но все равно вкусно.

– Спасибо, но я лучше поеду.

– Отлично, я вас довезу.

Дэниел положил на стол смятый счет и поднялся. – Нет, правда. – Кэролайн попятилась от него, опасаясь сидеть рядом с ним в темноте, даже если он будет при этом вести машину. Он был слишком уж привлекательный. – Я всегда езжу на поезде.

– Мисс Фолкнер, мы это уже обсуждали. Это и тогда было не очень интересно, а сейчас так просто скучно. Ну почему вам не отбросить церемонии и не позволить мне отвезти вас домой?

Кэролайн попыталась найти причину, по которой ему не следовало этого делать:

– Разве ваша семья не ждет вас домой? Разве они не беспокоятся?

– У меня нет жены, мисс Фолкнер, а дочка ужинает у моего брата. Я не довезу вас до дому только в том случае, если бринвудские полицейские арестуют меня за вождение дешевой машины.

Он подал Кэролайн свою теплую ладонь и повел ее к двери.

Глава 6

– Почему вы не хотели, чтобы я отвез вас домой? – спросил Дэниел, не глядя на Кэролайн. Его глаза были прикованы к дороге, но голос звучал тихо и доверительно. – Вы живете с бандой террористов и не хотите, чтобы это открылось, или причина во мне?

– Причина в вас, – ответила Кэролайн, отвернувшись к окну.

Дэниел помолчал, задетый таким прямым ответом. Потом он увидел, что она улыбается. Кэролайн Фолкнер поймала его на удочку. Тем не менее, когда он снова заговорил, за его шутливым тоном скрывался серьезный смысл:

– Почему? Обычно меня все считают чертовски славным парнем.

– Кто так считает? Ваши студенты? – недоверчиво спросила Кэролайн.

Может быть, дело было в выпитом вине, но сейчас она развлекалась, поддразнивая Дэниела Фрателли.

– Студенты – вряд ли. – Профиль Дэниела освещался вспышками света от дорожных знаков по бокам скоростной магистрали. Краем глаза Кэролайн видела, что его рот растянут в улыбке. – Но мои сестры дадут мне письменное свидетельство. А мои племянницы и племянники думают, будто я – один из старых веселых эльфов Санта-Клауса.

Кэролайн расхохоталась, представив шестифутового язвительного Дэниела Фрателли в роли веселого эльфа. Она заметила, что он не упомянул свою дочку среди тех, кто считает его Котом в сапогах.

– Вы мне не верите. Как же вы циничны, мисс Фолкнер.

– Это юридическая школа со мной такое сделала. До того как я начала учиться, меня называли Маленькой Ухти-Тухти, я разливала солнечный свет и излучала оптимизм везде, где бы ни находилась. Видите, профессор, что со мной сделали два месяца слушания лекций Фрателли?

Возникла пауза, затем Дэниел произнес более серьезным тоном:

– Давайте не будем говорить о юридической школе, и, пожалуйста, не называйте меня профессором.

– Почему же нет? Если бы я была профессором, то изменила бы свое имя на «Профессор», чтобы все меня так звали. Это очень впечатляющее звание.

– Да, заметно, как я вас впечатляю, Кэролайн.

Не успела она выразить протест по поводу того, что он назвал ее по имени, как они подъехали к городу и ей пришлось давать инструкции, куда ехать.

Больше они не разговаривали, пока не подъехали к большому каменному дому. В темноте Дэниел увидел железные ворота с каменными колоннами перед длинной подъездной дорожкой, которая вела к колоннам дома, казавшегося огромным в бледном свете луны.

– Не пытайтесь въехать внутрь, там сплошные рытвины. Остановитесь здесь, у обочины. – Кэролайн повернулась к Дэниелу и взяла его за руку. – Спасибо.

– Славный дом, Кэролайн. Вы здесь одна живете?

– В основном да.

Кэролайн не собиралась объяснять финансовые проблемы, которые заставили ее жить в этом огромном старом доме, который съедал безумные деньги на обогрев и ремонт.

– В основном? Очень двусмысленное высказывание, достойное адвоката. – Дэниел повернулся к Кэролайн и положил руку на спинку сиденья. – Я не буду допытываться.

– Это хорошо, профес...

– Мне казалось, вы согласились не звать меня профессором вне школы.

– И как же вы предлагаете мне обращаться к вам? «Эй, вы»? – улыбнулась Кэролайн.

Это не было возражением; это было просто словесным пинг-понгом, и она развлекалась.

– Вы, очевидно, заметили, что последние полчаса я называю вас Кэролайн. Попробуйте называть меня Дэниелом.

Кэролайн молчала. Она была готова прыснуть со смеху, но внутри у нее все дрожало от возбуждения. Куда она впутывается? У нее нет ни времени, ни желания заводить роман, особенно с Дэниелом Фрателли.

– Давайте же, Кэролайн. Очень простое имя. Напоминает логово льва или... – больше он ничего не смог придумать.

– Дэниел.

Кэролайн полагала, что назвать его по имени будет легко, но это оказалось вовсе не так. Она понимала, что переходит невидимый барьер и что теперь уже не важно, какие события произойдут в классе: вне школы они будут общаться по-другому. Теперь они были равны. Может быть, даже друзья? Кэролайн сопротивлялась этой мысли, как лошадь, отказывающаяся видеть забор.

Рука Дэниела легла ей на плечо, и Кэролайн напряглась.

– Почему вы так подозрительно ко мне относитесь? – прямо спросил он.

– Потому что я никогда не знаю, в какой момент вы меня одурачите. Внезапно что-то во мне выводит вас из себя, и я хочу успеть спрятаться в кусты. Причем мне заранее неизвестно, когда это случится. Из-за этого находиться рядом с вами очень непросто.

Дэниел смотрел на руль, его лоб был нахмурен, как будто он пытался собраться с мыслями.

– Вероятно, это происходит, когда я вижу выражение надменного превосходства на вашем лице, как будто вы думаете: «Что это я, патрицианская голубая кровь, делаю здесь с этим невежей?»

– Невежей? Мне приятно это слышать. Но у вас действительно иногда бывает ужасно долготерпеливое, благородное выражение лица. Как будто вы с трудом выносите мое общество. – Взгляд Дэниела устремился на Кэролайн. – Это меня злит, и я не знаю, почему. А от этого злюсь еще больше.

Его голос был теперь похож на шорох гравия и гипнотически действовал на Кэролайн. Она по-прежнему смотрела ему в глаза. В полутьме трудно было понять их выражение, но она не могла отвести взгляд.

– Я не хотела вас сердить, – мягко сказала Кэролайн.

– Может быть, не сейчас, но иногда...

– Да, я признаю, что иногда это бывает. Однако вы делаете то же самое. «О, вы еще ждете, мисс Фолкнер? Ваша работа сдана с опозданием, мисс Фолкнер».

Кэролайн не удалось симитировать его голос так же хорошо, как Сьюзен Элдер, но Дэниел улыбнулся.

– Я тоже это признаю. Мне нравится, когда вы сердитесь. – Рука Дэниела все еще была у нее на плече, и теперь он придвинул ее немножко ближе к себе. – Хотите узнать, почему?

– Да, – сказала Кэролайн, зная, что должна сказать нет.

– Потому что вы тогда выглядите очень живой. Мне нравится, когда у вас глаза сверкают, а щеки розовеют. Больше всего я люблю, когда исчезает ваша маска и на минуту показывается настоящая женщина.

– Проф... мист... Дэниел.

Кэролайн с трудом удалось найти подходящее слово. С тех пор как она закончила школу танца, она не чувствовала себя такой смущенной.

– Что, Кэролайн?

Дэниел сидел, улыбаясь, как кот, съевший сметану.

– Я не знаю. Мне кажется, вы опять меня дурачите. Только на этот раз с другой стороны. «Дура, дура, ты говоришь так, будто последние мозги растеряла!»

– Что вы хотите этим сказать – «с другой стороны»?

– Раньше вы начинали злиться без предупреждения, а теперь вы мне льстите без предупреждения, и...

Дэниел нетерпеливо замахал рукой:

– Лыщу? Я никогда не лыщу, Кэролайн. Вам пора бы это понять. Я просто говорю правду. Вы очень красивая и вряд ли нуждаетесь в том, чтобы я вам это объяснял.

Кэролайн почувствовала, как ее лицо вспыхнуло. Она поняла, что покраснела, и была благодарна полутьме, которая все скрывала.

– Это просто смешно. Зачем вы это говорите? Как я могу с вами разговаривать, если вы говорите подобные вещи? – В ее голосе послышались недовольные нотки. Как он может не понимать, с каким трепетом она воспринимает его одобрение, даже если речь идет о таком незначительном предмете, как ее внешность? – Ну что я могу на это ответить?

Дэниел сделал вид, что серьезно обдумывает ее вопрос.

– Сейчас, например, вы могли бы сказать, как вы рады, что я считаю вас красивой, а затем вы могли бы объяснить, почему вам нравится сводить с ума меня. Тогда мы будем в расчете.

Кэролайн восприняла только последнюю часть его предложения. Сначала она колебалась. Почему-то в обществе Дэниела Фрателли она чувствовала себя обязанной быть честной:

– Я думаю, это потому, что я не привыкла сердиться, а с вами можно в этом попрактиковаться, раз уж вы не возражаете. Вам ведь даже нравится, правда?

– Да, даже несмотря на то, что иногда вы чувствуете себя виноватой. – Дэниел улыбнулся и нежно погладил ее руку. Кэролайн почувствовала тепло его прикосновения сквозь парку и свитер. – Почему вы должны чувствовать себя виноватой? – продолжал он своим низким тихим голосом. – Вы никогда ничего не разрушали, не говорили ничего такого, что нельзя простить. Тот, кто учил вас, что нельзя сердиться, был не прав. Похоронить гнев – все равно что разбередить кровоточащую рану. Пожалуйста, сердитесь на меня, если вам это нужно, только не застывайте и не избегайте меня, Кэролайн.

Зачем он все это говорит? Он, наверное, спятил. Эта женщина – его студентка. Кроме того, она, скорее всего, холодная и недоверчивая и к тому же – он глянул в окно на каменный особняк в конце заросшего проезда – очень богата. Ему нужно убираться отсюда, пока он еще чего-нибудь не наговорил.

Однако он не пошевелился.

Кэролайн посмотрела на него.

– Я думаю, что юридическая школа – это хорошая тренировка для гнева. Она предоставляет место для этого занятия. В этом мире несправедливостей, в которых могла бы помочь хорошая доза гнева. Вы это понимаете.

Повинуясь внезапному импульсу, она дотронулась до руки Дэниела, такой теплой и живой. Потом убрала свою руку и улыбнулась:

– И я признаю: мне нравится с вами спорить. Когда я занимаюсь, то всегда думаю, что бы вы сказали об этом деле. Потом я начинаю защищать другую точку зрения, просто для практики.

Что она делает, разговаривая подобным образом с Дэниелом Фрателли, вспыхивая, когда он говорит, что она красива, признаваясь, что она думает о нем вне школы? Кэролайн инстинктивно отодвинулась.

Дэниел посмотрел на нее. Вот опять то же самое: холодная, пустая мисс Фолкнер берет верх. Почему Кэролайн прячется в укрытие каждый раз, когда искреннее чувство готово пробиться в их отношения?

Страх. Этот ответ внезапно родился в его мозгу. Она боится его. Почему?

Он спросил ее:

– Рано или поздно, когда я рядом, вы замыкаетесь в себе и отодвигаетесь. Чего вы боитесь, Кэролайн?

И опять она почувствовала, что обязана отвечать абсолютно честно:

– Вас. Я никогда не знала никого, похожего на вас.

Дэниел откинулся назад, будто ее слова обожгли его.

– Это звучит как социальный приговор, Кэролайн. Неужели ваш круг не включал никого из Южной Филадельфии или он вообще был ограничен только теми, кто посещал Йель?

Кэролайн уставилась на него:

– Ну вот, вы опять. Что с вами? Вы – единственный, для кого не все равно, откуда человек приехал или где он ходил в колледж. Всем остальным на это наплевать. Мне-то уж точно.

– Готов поклясться. – Его неверие было очевидным. – Пойдемте, я пройду с вами полмили до вашей совершенно исключительной двери.

Кэролайн не хотела поддаваться его иронии:

– Вы ведь ничего не знаете обо мне, чтобы так снобистски рассуждать, профессор.

– Я знаю, где вы живете, как одеваетесь, как себя ведете. – «И почему это меня волнует?» – спросил себя Дэниел. – Потому что это показывает мне, как ты далека от моей орбиты». – Что еще нужно знать?

– Почему я живу там, где живу, одеваюсь так, как одеваюсь, веду себя так, как веду.

На мгновение Кэролайн разочарованно поникла. Затем она подняла голову, распрямила плечи и открыла дверь машины. Почему для нее так важно, что именно в тот момент, когда она думает, будто может расслабиться в его присутствии, Дэниел обрушивает на нее какую-нибудь ерунду насчет денег или Мейн-Лайн? Если бы он только знал ненадежное состояние ее финансов, ее прошлое и настоящее, то понял бы, что его слова звучат как издевательство.

– Но вас не волнует, почему. Вы довольны тем, что можете судить обо мне по самым поверхностным меркам, какие только можете найти. И именно эти мерки злят вас, когда вы думаете, что я им соответствую. Если бы кто-нибудь попробовал так рассуждать на ваших уроках, вы превратили бы его в порошок. В подливку для гуся, профессор.

Она была права. Такова эта проклятая штучка Кэролайн Фолкнер. Время от времени она произносила что-то чертовски правильное.

– Дэниел. Мне кажется, вы согласились называть меня Дэниелом, Кэролайн.

Он вышел и обошел вокруг машины, чтобы подойти к ней.

Стройная и высокая, она стояла, наблюдая за ним.

– Не нужно провожать меня до двери. Дорожка к центральной двери такая же ненадежная, как и проезд. Я всегда боюсь, что кто-нибудь упадет и подаст на меня иск. Спокойной ночи.

Кэролайн широко улыбнулась, отпуская его. Но Дэниел не собирался позволить прогнать себя. Он взял ее за руку:

– Пойдемте, Кэролайн. И ступайте осторожно. Если вы упадете, я тоже упаду.

Его рука, державшая руку Кэролайн, была большой, и теплой. Кэролайн оставила руку в его руке, хотя и чувствовала, как от прикосновения Дэниела по ее телу пробегает электрический ток. Она знала, что лучше убрать руку, но ей не хотелось этого делать. Ей нравилось то, как он ее держит. Его рука внушала тепло и жизненную силу. Это не может повредить – или может? – прямо сейчас, когда они идут к дому.

Когда они подошли к крыльцу, Дэниел подождал, пока Кэролайн нашла ключ и вставила его в замок.

– Спасибо, профессор... то есть Дэниел.

Она смущенно улыбнулась. Собирается ли он поцеловать ее? Хочет ли она, чтобы он это сделал? Нет. Никаких увлечений, пока она не закончила юридическую школу. До тех пор она должна только заниматься и постараться не утонуть в своих денежных неприятностях. У нее нет времени для поцелуев. Особенно Дэниела Энтони Фрателли.

Очевидно, Дэниел всего этого не понимал. Он положил руки ей на плечи. Медленно притянул ее к себе.

Какой-то уголок мозга Кэролайн напоминал ей, что целоваться с Дэниелом Фрателли глупо. Хуже, чем глупо, полный идиотизм. Но она не слушала. Она потянулась к Дэниелу, навстречу его поцелую. Поцелуй был мягкий и нежный. Именно такой, каким должен быть первый поцелуй. Ее губы слегка раздвинулись под его губами, и дыхание двух людей смешалось в холодном, пропитанном лунным светом воздухе.

– Мне кажется, я рухнул. Но не на дорожке к вашему дому. – Голос Дэниела был спокоен. Он снял руки с ее плеч, чтобы взять ее холодные маленькие ручки в свои. – Как вы думаете?

Кэролайн не отвечала. Она знала одно: вся ее жизнь завертелась в безумии, готовая опрокинуться. Ее способность сопротивляться Дэниелу ускользала от нее, и Кэролайн была напугана.

Она попыталась что-то сказать, но ничего не получилось. Ей отчаянно хотелось – было необходимо – оказаться дома, в своем коконе.

– Спасибо, что подвезли меня, профессор. Я сэкономила уйму времени. Мне еще очень многое надо сделать. Завтра у меня встречается наша группа.

Кэролайн слушала свою болтовню, как будто она исходила от какой-то другой глупой женщины. Она сделала глубокий успокаивающий вздох. Если Дэниел Фрателли сейчас же не уедет, это может кончиться настоящими неприятностями. Стоя рядом с ним, глядя в его карие глаза, которые, казалось, видят насквозь ее душу, Кэролайн чувствовала, что ее очень сильно тянет к этому человеку, и это пугало ее. Она не хотела таких чувств. Это слишком опасно. Он может забрать ее в эту незнакомую страну, в которую она холодно и рационально решила не входить.

Социальная маска Кэролайн снова встала на место, и она отодвинулась от Дэниела, надеясь выйти из-под влияния его силового поля, чтобы снова почувствовать ясность ума.

– Еще раз спасибо. Спокойной ночи, профессор. – Она взяла его за руку и, крепко ее пожав, отпустила.

Дэниел понял, что пора уходить. Еще минуту постоять рядом с ней, глядя как, лунный свет золотит ее волосы, а глаза мерцают темно и таинственно, и он сможет...

– Спокойной ночи, мисс Фолкнер.

Он ответил недостаточно быстро. Кэролайн тенью скользнула в дом, оставив Дэниела «прощаться» с закрытой дверью.

Глава 7

Кэролайн прислонилась к входной двери, тяжело дыша, как будто после бега. Постепенно ее сердцебиение приходило в норму. Она слышала, как машина Дэниела тронулась с места и уехала. После этого все вокруг поглотила ночная тишина.

Что же с ней происходит? Это был поцелуй. Всего лишь поцелуй. Очень легкий, короткий, ничего не требующий поцелуй. Почему после него у нее слабость в коленях и бешеный пульс? Нелепое поведение для сорокачетырехлетней матери двоих детей.

«Ты просто переутомилась, – сказала она себе. – У тебя не было времени принимать ухаживания из-за учебы в школе. В этом все дело. Иначе ты не вела бы себя, как пятнадцатилетняя девочка, встретившая Тома Круза». Это объяснение было разумно, но оно не было правдой. Вряд ли имело значение, сколько мужчин назначали ей свидание. Это Дэниел, а не какой-то неизвестный мужчина с биркой «первый ухажер» заставил ее почувствовать себя девочкой-подростком.

С тех пор как ушел Гарри, кое-кто пытался приударить за Кэролайн, но ей не составляло труда уклоняться от их ухаживаний. Борден Ченнинг был не первым женатым мужчиной, который намекал, что именно он является решением всех проблем Кэролайн. Однако Дэниел не был женат и он ни на что не намекал, кроме того, что находит ее возбуждающей и привлекательной женщиной. Все остальное было лишь продуктом ее воспаленного воображения.

Чего она так боится? Если быть честной, она знала ответ на этот вопрос: Дэниела Фрателли. Он пробудил в ней желание, в то время как другие оставляли ее холодной и незаинтересованной. И все же он был последним человеком в мире, с которым она должна связываться. Когда он находился рядом, в ее голове бил тревожный набат. И для этого было полно серьезных причин.

Прежде всего, он был ее учителем, а в «Урбане», как и в большинстве других школ, существовали очень строгие правила относительно взаимоотношений студентов и преподавателей. Кэролайн читала эти правила, когда получила их в одном пакете с регистрационными бланками. Она припомнила, что между студентом и любым профессором, который читает курс у этого студента, полностью запрещены ухаживания.

И потом, что ни говори, Дэниел на семь лет моложе ее. Допустим, это не такая уж большая разница, но в совокупности с тем фактом, что она студентка, а он учитель, это действовало на Кэролайн угнетающе. Он знал, сколько ей лет, – она сама сказала ему, когда просила продлить срок сдачи работы. За прошедший год она стала хуже выглядеть, похудела, и на лице добавилось морщин. Когда-то люди говорили, что она выглядит моложе своих лет, но это было до ухода Гарри.

Кэролайн прошла на кухню и налила себе стакан молока. На часах было десять минут десятого, а она еще не ужинала. Неважно, что проблемы кажутся серьезными; она должна поесть. Тогда ей сразу станет ясно, что она раздула из мухи слона. Иначе говоря, сложные отношения из простого поцелуя.

Омлет сделать легко, и она сразу почувствует себя гораздо лучше. Однако вынуть сковородку и разбить яйца почему-то оказалось сложным делом. Кэролайн взяла свой стакан молока и села за кухонный стол, глядя в окно на залитый луной двор. Все было черно-серебряным, как на гравюре, и казалось таинственным и потусторонним.

«Признай это, Кэролайн, – сказала она себе. – Его возраст не имеет значения. Ты боишься его, потому что он заставляет тебя честно показывать ему свои чувства, и это пугает тебя до смерти. Ты не хочешь быть уязвимой, открытой. Но больше всего ты боишься, связавшись с Дэниелом Фрателли, потерять свою независимость.

Нет. Слишком долго она боролась за то, чтобы достичь своего нынешнего состояния, сделаться новой Кэролайн. Она построила жизнь, более подходящую для нее, чем та, которая была разбита с уходом Гарри. Нельзя позволить чему бы то ни было нарушить эту жизнь. Секс, любовь, роман – как ни назови – слишком опасны и поглощают чересчур много времени, чтобы занять место в ее жизни.

Строго приказав себе не думать о Дэниеле Фрателли, Кэролайн пошла наверх и свернулась калачиком на своей огромной королевской постели. Она читала про односторонние договоры, что обычно действовало лучше всякого снотворного, пока наконец не заснула.

По субботам Кэролайн всегда была очень занята. Это был единственный день, когда она имела возможность сделать какие-то дела и покупки. Их список был обычно с милую длиной и смертельно скучный. Если Гарри не звонил и не вгонял ее в безумие мытья полов, Кэролайн оставляла основную уборку на воскресенье.

В ту субботу, накануне которой Дэниел отвез ее домой, Кэролайн вся была полна беспокойной энергии, которую она пыталась употребить с пользой на работу над своими конспектами, готовясь к предстоящей вечером встрече группы. Она как раз приступала к борьбе с гражданской процедурой, когда зазвонил звонок. Издав раздраженное восклицание, Кэролайн пригладила рукой волосы и пошла открывать дверь. Было необычное время для герл-скаутов, продающих печенье, и слишком рано для группы. Слегка обеспокоенная, Кэролайн распахнула дверь.

– Мама Фолкнер! – воскликнула она, увидев в дверях худощавую, тщательно ухоженную женщину, мать Гарри.

Это был последний человек, которого Кэролайн ожидала увидеть, и один из первых в списке людей, которых она не хотела бы видеть до второго пришествия, а то и дольше.

– Ну, – бодро сказала Мейда Фолкнер, – ты не собираешься пригласить меня войти, Кэролайн?

– Конечно, простите меня. Входите, пожалуйста.

В присутствии матери Гарри Кэролайн всегда ощущала беспокойство, непонятный страх сделать что-то не так, сказать какую-нибудь глупость. И вовсе не потому, что свекровь проявляла по отношению к Кэролайн что-нибудь, кроме доброты и великодушия, хотя Кэролайн абсолютно точно знала, что Мейда не хотела брака ее сына с Кэролайн Вильямс.

– Вы не присядете? – Глядя на безупречный, в пастельных тонах, твидовый костюм Мейды Фолкнер, Кэролайн слишком сознавала, что сама она одета в голубые джинсы и спортивный свитер из Урбаны. – Я как раз собиралась сделать небольшой перерыв в занятиях и выпить чаю. Хотите чаю?

– Спасибо, Кэролайн, это было бы очень мило.

К удивлению Кэролайн, Мейда проследовала за ней на кухню. По счастливой случайности Кэролайн утром сделала там легкую уборку. Она поставила чайник на огонь и достала керамический заварной чайник и кружки. Не особенно шикарные, но у Кэролайн не было времени чистить серебряные чайные сервизы. Ее сервиз был тщательно завернут в ткань и хранился на чердаке.

– Вы, кажется, пьете без сахара и без сливок, правда? – спросила Кэролайн, чтобы хоть что-то сказать.

Одной из причин ее смущения было то, что она не очень понимала, как называть бывшую свекровь. Конечно, «мама Фолкнер» больше не годится. Миссис Фолкнер? Это звучит так, будто они только что познакомились. Мейда? Кэролайн посмотрела на безупречно ухоженную, неуязвимую женщину, которая когда-то так усложняла ей жизнь. Зовут ли ее хоть кто-нибудь Мейдой? Кэролайн печально подумала о настойчивых просьбах Дэниела Фрателли не называть его «профессор». Ее жизнь так запуталась, что она, похоже, уже не знает, кого как называть.

– Нет, дорогая моя, и не беспокойся насчет нарезания лимонов, – оживленно сказала Мейда Фолкнер. – Чашка хорошего, горячего чая – это все, что нужно.

К счастью, Кэролайн стояла спиной к своей гостье, так что ей удалось скрыть свое удивление. Та самая Мейда Фолкнер без возражений пьет чай из простой кружки? И не требует «споуд» или «веджвуд»? Ну и дела. Кэролайн приготовила чай и села к кухонному столу.

– Тесса говорит, что вы пишите ей в школу.

Чтобы избежать затруднений, как называть свою гостью, Кэролайн решила просто опускать имя.

– Да, я посылаю ей время от времени короткие записки.

Короткие записки с приложением одного или двух чеков на пятьдесят долларов. Кэролайн когда-то хотела попросить свою бывшую свекровь перестать портить внучку тем же способом, каким она испортила своего сына, то есть давать Тессе деньги с непредсказуемыми промежутокками. Регулярная поддержка, возможно, не была бы так плоха, но эти внезапные подарки, безрассудно посылаемые тогда, когда этого хотелось Мейде, всю жизнь только злили Гарри и делали его зависимым. И теперь Кэролайн видела, что то же самое происходит с Тессой.

– Я уверена, что она это ценит, – сказала Кэролайн, – но Тесса должна привыкать работать, чтобы иметь то, что она хочет, или обходиться без этого. Я знаю, вы хотите только хорошего, но...

Мейда Фолкнер подняла руку:

– Не суетись, Кэролайн. Пусть средний класс беспокоится о том, откуда берутся деньги. Я не посылаю Тессе много. Мне ведь еще приходится обеспечивать Гарри.

«Неужели, – подумала Кэролайн, – Мейда не понимает, что здоровый пятидесятилетний мужчина с высшим образованием должен заботиться о себе сам, а не полагаться целиком на мать? Нет, она не позволит Тессе или Бену зависеть от их бабушки».

– Может быть, вам стоило бы разрешить Гарри самому себя обеспечивать? – спокойно сказала Кэролайн, приготовившись выслушать в ответ пространные рассуждения Мейды о том, какое у Кэролайн ужасное провинциальное отношение к деньгам.

К ее удивлению, Мейда сказала доверительно:

– Я бы и рада. Но эта Торкельсон пускает деньги на ветер, поэтому мне приходится поддерживать Гарри. Я не могу допустить, чтобы он голодал. – Она внимательно посмотрела в кружку, как будто надеясь прочесть там какую-то тайну. – Поэтому, Кэролайн, я к тебе и пришла.

Кэролайн показалось, что она неправильно поняла. Какое она имеет отношение к привычкам Гарри тратить деньги? Ей не удалось изменить Гарри, когда они были женаты; почему же его мать считает, что теперь Кэролайн может повлиять на бывшего мужа?

– Не смотри на меня с таким изумлением, Кэролайн. Я хочу очень простой вещи. Я приехала, чтобы попросить тебя сделать небольшое дополнение в ваше финансовое соглашение с Гарри. Он уверяет меня, что если бы ты... – Она поискала слово: – умерила свои требования, он мог бы на эти деньги успешно начать новый бизнес.

– Что конкретно Гарри сказал вам о нашем финансовом соглашении, Мейда?

Голос Кэролайн был спокоен, но она нервно сжала пальцы.

– Только то, что поскольку ты именно сейчас настаиваешь на посещении юридической школы, – губы Мейды Фолкнер искривились, произнося эти слова, – он, по-видимому, не может одновременно платить алименты и еще платить за учебу детей. Если бы ты сейчас работала полный день и отложила на некоторое время свое образование, Гарри, как он уверяет меня, был бы просто счастлив это образование финансировать. Ты даже могла бы перевестись в Университет и тебе не пришлось бы учиться в этой грязной школе – «Уранус», «Ураниум»...

– «Урбана», Мейда. Школа называется «Урбана». – Кэролайн указала на свой свитер с надписью «Юридическая школа «Урбана»» и со школьным гербом.

– Ну, не важно. Во всяком случае, если бы ты сейчас дала Гарри свободно вздохнуть, он впоследствии оплатил бы твое юридическое образование.

В голосе Мейды снова прозвучали недоуменные нотки. «Юридическая школа! – как будто говорила Мейда Фалкнер. – Как эта Кэролайн Вильямс взбрело в голову учиться в юридической школе!»

В первую минуту Кэролайн от гнева не могла выговорить ни слова. Ей предлагалась поверить слову Гарри, которое не значило ровно ничего, особенно когда дело касалось денег. Его мать приходит, чтобы сообщить Кэролайн, что Гарри не может сам себя обеспечить, и после этого Кэролайн должна поверить, что когда-то в будущем он оплатит ее обучение в Пенсильванском университете.

– Я прошу прощения, но, по-моему, Гарри вас неправильно информировал, – сказала Кэролайн, когда ей удалось подавить в себе желание истерически расхохотаться или завопить от ярости. – Он не оплачивает мое юридическое обучение: я сама эта делаю. Он не платит за обучение детей в колледже. Вклад, который вы сделали для них, покрывает эти расходы. Гарри не платит мне даже те небольшие алименты, которые ему присудил суд. Я бы подала на него в суд, но в Калифорнии так дороги судебные издержки, что это просто невозможно сделать.

Мать Гарри нахмурилась:

– Я уверена, что Гарри делает все, что может, Кэролайн. Не нужно объяснять мне ваши финансовые соглашения. Я совершенно не хочу их знать.

«Не сомневаюсь», – подумала Кэролайн. Мейда Фолкнер никогда не хотела знать ничего, что могло бросить тень на ее мнение о собственном сыне. Именно поэтому Кэролайн пришлось самой оплачивать долги Гарри. Мейда отказывалась верить, что Гарри сбежал и позволил кредиторам требовать денег у собственной жены. А если Мейда не хотела во что-то верить, этого не существовало. На протяжении своего замужества Кэролайн молча смирялась с манерой Мейды изображать страуса, когда Гарри терял работу или занимал деньги и не возвращал их. Теперь Кэролайн внезапно обнаружила, что она больше не хочет принимать у себя эту пожилую даму.

– Раз вы пришли ко мне защищать Гарри, та я думаю, что вам лучше знать правду, Мейда. А правда состоит в том, что когда Гарри с Роксаной уехали в Калифорнию, после него осталось больше чем на пятьдесят тысяч долларов долгов. Поскольку я подписывала все бумаги, регистрирующие агентство Гарри, все кредиторы требовали от меня уплаты.

– Я на самом деле не понимаю, какое все это имеет отношение к делу, Кэролайн. Я только пришла просить тебя дать Гарри немножко... пространства для маневров, скажем так, не требуя, чтобы он оплачивал каждый пустяковый счет, который...

– Гарри не заплатил ни цента ни одному кредитору, ни деловому, ни личному. Ни одного цента. Из тех денег, которые вы ему даете, Гарри выслал мне «огромную» сумму в тысячу долларов за все те двадцать месяцев, которые прошли после окончательного развода. – Кэролайн говорила спокойно и искренне. – Бизнес был объединенный, так что юридически я не должна была платить долги.

– Неужели из-за этого ты затеяла эту ерунду с судом? – спросила Мейда усталым голосом.

С начала их разговора она не смотрела на Кэролайн и бессмысленно водила кружкой по столу.

– Да. Кампания была ликвидирована, и все деньги перешли кредиторам, но остались еще неоплаченные счета, которые в сумме составляют больше пяти тысяч долларов.

– Дорогая моя, я надеюсь, что ты не собираешься вызвать у меня сочувствие и выманить небольшую ссуду. Я не собираюсь сплачивать твои долги.

– Вы не слушаете меня, Мейда. – Кэролайн положила руку на чайник. Он уже остыл. – Я сказала вам, что эта были долги Гарри. Я не делала их, но собираюсь проследить, чтобы они все были оплачены.

– Послушай, Кэролайн, не стоит продолжать обсуждение долгов Гарри. Если люди потеряли деньги из-за того, что Гарри не повезло с бизнесом, это их забота. Именно для этого существуют страховка, или фонды на непредвиденный случай, или что-то еще. Если ты платишь им, это очень глупо с твоей стороны. – Мейда посмотрела на свою бывшую невестку с плохо скрываемым презрением. – Лучше бы ты потратила эти деньги на ремонт своего дома. Он скоро развалится. Ворота еле держатся на петлях, газон – сплошная грязь и сорняки. А проезд! – Впервые Мейда немного оживилась. – Хуан еле подъехал к центральной двери. Ты должна что-то сделать с этим домом, пока он окончательно не обесценился. Я бы не хотела, чтобы Гарри потерял свое последнее вложение.

– Я позабочусь о доме, когда у меня будут на это деньги. – Кэролайн поднялась из-за стола и пошла к раковине. Ей нужно было занять чем-нибудь руки, чтобы не придушить Мейду. Она машинально наполнила чайник и поставила его на плиту. – Сначала я должна заплатить долги компании. Все эти деньги были вложены мелкими предприятиями, и они не могут нести убытки из-за нас.

Мейда молчала. Кэролайн повернулась и встретила оценивающий взгляд пожилой женщины.

– Послушайте, Мейда, раз уж мы говорим откровенно, я хочу вам кое-что сказать. Я не желаю, чтобы мои дети выросли с тем же отношением к деньгам и долгам, что и Гарри. Я не хочу, чтобы они бросали незаконченные дела, позволяя кому угодно или маме, или бабушке – разбираться с их долгами.

– Естественно, все надеются, что их дети...

На этот раз Кэролайн жестом попросила Мейду замолчать.

– Нет, вы не поняли. Я не хочу надеяться. Я хочу быть уверенной. Поэтому я была бы вам благодарна, если бы вы больше не посылали Тессе этих маленьких «подарков», чтобы она покупала на них вещи, которые не может себе позволить.

– Я только хочу, чтобы мои внуки ни в чем не нуждались.

– Нет, Мейда, вы хотите не этого.

– Что ты имеешь в виду?

Взгляд Мейды стал ледяным. В былые дни Кэролайн тут же замолчала бы, но теперь она уже закусил удила и твердо решила высказаться раз и навсегда:

– Вы небеспристрастны. Я замечаю, что Бен никогда не получает таких же маленьких «записок», какие вы посылаете Тессе.

– Бен никогда ни о чем не просит.

– Вот именно. Вы даете тем, кто хочет зависеть от вашего великодушия и благорасположения. Вы не поощряете независимость, вы наказываете за нее.

Губы Мейды Фолкнер вытянулись в прямую линию. Она ничего не сказала. Это было излишне: весь ее облик излучал гнев и неодобрение. Она взяла свои серые замшевые перчатки и сумочку и встала из-за стола. Спина у нее была прямой, как будто она аршин проглотила, и Кэролайн не могла не подумать, что для женщины маленького роста Мейда выглядит необыкновенно царственно.

– Мне пора домой. Я послала Хуана выполнить кое-какие поручения, но он, наверное, уже ждет меня. – Она прошествовала впереди Кэролайн ко входной двери, затем оглянулась и оглядела женщину своими холодными глазами. – Я, разумеется, учту твои пожелания. И мне придется объяснить Тессе, что ее мать запретила мне посылать ей подарки. Счастливо, Кэролайн. Я к тебе больше не приду.

Не дожидаясь ответа, Мейда повернулась к Кэролайн спиной и направилась к ожидавшей ее машине.

– Ну и ну! – пробормотала Кэролайн.

«Это было не так уж плохо, – подумала она с торжеством. – Мне следовало сделать это много лет назад».

Глава 8

Следующие две недели прошли как в тумане.

Борден Ченнинг вдруг решил, что необходимо реорганизовать все картотеки офиса и что Кэролайн должна составить на компьютере полный указатель к каждой из них. Компьютеры и Кэролайн относились друг к другу с большой подозрительностью. Она не понимала их, но была уверена, что они-то как раз понимают ее даже слишком хорошо и думают, что она идиотка. Компьютерный указатель отнимал больше времени и сил, чем Кэролайн могла себе позволить.

Занятия в школе становились все напряженнее, и у Кэролайн сводило желудок от ужаса перед каждым уроком. Этому была только одна причина: экзамены. Проходившие обычно между Днем Благодарения и Рождеством, экзамены надвигались, подобно огромной черной туче. Экзамены за первый семестр в юридической школе были предметом мифов и легенд, которые дополнялись и пересказывались снова и снова студентами второго и третьего курсов. Кэролайн думала, что уже слышала все эти сказки, целью которых было напугать первокурсников. Она решила не обращать на них внимания, но это плохо удавалось. Среди них была история про студента-первокурсника, настолько напуганного, что он написал всю экзаменационную работу на первой строке своего экзаменационного билета. Глупо. И наверняка неправда. Тем не менее, эти истории оказывали на нее действие. Кэролайн уговаривала себя не поддаваться психозу. В конце концов, она родила двух детей, прошла через развод и все еще была в своем уме.

Но все же она занималась каждый день до трех-четырёх часов ночи, пытаясь выработать в себе уверенность, что она знает абсолютно все по всем предметам. Впрочем, даже теперь, когда она почти убедила себя в том, что подготовилась, кто-нибудь из одноклассников мог бы задать ей вопрос, на который она не смогла бы ответить, и паника началась бы снова.

Все ее одноклассники хмуро и озабоченно бегали взад и вперед с сумками, из которых торчали неаккуратные связки юридических бумаг. Кэролайн знала, что не только ей трудно привести свои чувства в порядок. Но остальные были совсем детьми и, конечно, паниковали. Она же была зрелой женщиной среднего возраста и, тем не менее, вела себя так, словно ее жизнь зависит от этих экзаменов.

Да так оно, пожалуй, и было. Она не могла позволить себе провалиться. Ее жизнь, та жизнь, которую она себе выбрала, была поставлена на карту.

В один прекрасный день Борден обнаружил Кэролайн в архиве, сгорбленной над клавиатурой и бормочущей компьютеру, что сейчас она стукнет его, чтобы облегчить себе работу.

– Разговариваем с компьютером? Если бы я не знал тебя лучше, Кэролайн, то подумал бы, что ты утратила свою хватку. – Борден улыбнулся. – Что случилось? Ты еще не купила обед к Дню Благодарения?

– Конечно, купила. Я рассчитываю на телевизионный обед с индюшкой для троих.³ Для четверых, если Мейда к нам присоединится.

Как Кэролайн и предполагала, Борден рассмеялся.

– Я думаю, что ты можешь продавать билеты тем, кто захочет посмотреть, как Мейда Фолкнер ест телевизионный обед. – Но это не отвлекло его от темы. – У тебя такой вид, как будто ты последнее время совсем не высыпaeшься.

Борден впал в свою слезливую манеру и выглядел сочувствующим.

– Вот, этот HAL, – Кэролайн показала на компьютер, – выдает мне все виды аргументов о том, что мы с ним пытаемся делать. Мне стоило большого труда запомнить, что он – босс.

³ Обеды в герметичных упаковках, рассчитанные на приготовление в микроволновой печи и рекламируемые по телевидению. (Примеч. ред.)

– А я думал, что босс – я.

Борден сел на край стола и скрестил руки.

– Только потому, что вы достаточно умны, чтобы не путаться с компьютером. Или вы делаете все, как он хочет, или он забрасывает вас посланиями.

Кэролайн шутила лишь наполовину. Она откинула назад волосы и поддержала рукава своего черного джемпера.

– Если это так трудно, ты можешь кратко набросать на бумаге выходные данные и как ты формировала файлы, а новый секретарь введет это в компьютер. – Борден взглянул на толстую синюю книгу со стопкой вложенных в нее небрежно исписанных желтых листов, лежащую около Кэролайн. – Ага. «Дела и материалы. Гражданская процедура». Давно забытое прошлое. Что это? Конспект? Понятно. Сейчас сессия, и ты испытываешь приступы тревоги.

– Конечно, я боюсь. Ты знаешь, меня преследует один из этих ужасных ночных кошмаров, как будто я не в том классе, сдаю не тот экзамен, и мое будущее висит на волоске.

Кэролайн попыталась улыбнуться, но у нее получилось лишь слабое подобие улыбки.

– Это обычная паранойя первого курса юридической школы. Любой, кто не испытывает подобных чувств, вероятно, не будет продолжать обучение.

– Спасибо, Борден. Приятно узнать, что если я не сумасшедшая, то сошла с ума.

Кэролайн улыбнулась ему. Борден очень поддержал ее. Приятно было услышать его слова после того, как она наслушалась Мейду и Тессу, которые не держали в секрете свое мнение о том, что любая женщина, которая в сорок четыре года поступает в юридическую школу, определенно ненормальная.

– Ты, вероятно, захочешь взять отпуск недели на две после Дня Благодарения, не правда ли? Вряд ли ты сможешь готовиться к экзаменам и еще работать здесь.

Кэролайн была благодарна за это предложение, но ей не хотелось иметь особых привилегий. Большинство ребят из ее учебной группы продолжали работать во время экзаменов, и она тоже могла это делать. Когда она сказала об этом Бордену, он не согласился и предложил ей поработать сверхурочно во время длинных рождественских каникул, но сохранить свою энергию для экзаменов и взять отпуск.

– Оплаченный, конечно, – добавил Борден. Первые экзамены в юридической школе очень важны, Кэролайн. Все дальнейшее изучение законов основывается на знаниях первого курса. Кроме того, я действительно хочу сделать тебе лучше. – Что он хотел этим сказать, было непонятно. Стуча карандашом по столу в синкопированном ритме, он заметил:

– Потом, может быть, ты пересмотришь свое отношение к университету.

У Кэролайн замерло сердце. Она была уверена, что Борден забыл свое обещание финансировать ее обучение, так как он ни разу больше не упоминал об этом до настоящего момента. Ей казалось, Борден понимает, что она не должна – не может – допустить этого. Кроме того, это заставило ее вспомнить его жест, который она сочла несколько развязным. Кэролайн хотела забыть об этом. Она не собиралась задевать чувства Бордена – он был хорошим другом. Очевидно, по выражению ее лица он понял, что ей не по себе, и резко переменял тему разговора.

– Тем временем я попробую найти кого-нибудь, кто сможет обучить HAL некоторым манерам.

Несмотря на свою шутку о телевизионных обедах, Кэролайн планировала приготовить к Дню Благодарения полноценный обед. Тесса придет домой на все выходные, а Бен обещал, что попытается приехать домой из Чапел-Хилла, если сможет найти способ добраться. Самолетом не подходит: слишком дорого. Не в первый раз Кэролайн захотела иметь хотя бы четверть тех денег, которые они с Гарри растратили в клубах и ресторанах.

Бен так отличается от Тессы, думала Кэролайн, замешивая тесто для пирогов с яблоками и тыквой, чтобы потом его заморозить и испечь пироги в День Благодарения. Он скорее оста-

нется в школе на каникулы, чем попросит денег у отца или у бабушки. Всегда сдержанный, Бен стал совсем замкнутым и молчаливым после того, как Гарри уехал с Роксаной в Калифорнию. Он почти ничего не говорил по поводу развода, но Кэролайн знала, что он полностью на ее стороне.

– Я очень хочу, чтобы ты приехал домой на День Благодарения. Я могла бы подкинуть около пятидесяти долларов, если это поможет.

Кэролайн крепко сжимала телефонную трубку, разговаривая с сыном однажды в пятницу вечером в начале ноября. Она хотела, чтобы Бен приехал домой. Праздник Благодарения только для нее и Тессы казался ей насмешкой над теми семейными праздниками, которые у них были раньше. Единственное, что она потеряла с уходом Гарри, были дни рождения и праздники: с ними было так трудно сейчас.

– Да, мам, ты же знаешь, я приеду, если смогу добраться.

Кэролайн почудилась тень усталости в его голосе. Как будто он хотел сказать: «Мам, я буду дома, если смогу раздобыть денег. Но я не попрошу ни единого пенни у отца или его матери. Я беспокоюсь о тебе. Я люблю тебя. Я знаю, что Тесса и я – это все, что у тебя есть».

Кэролайн попыталась объяснить ему, что он не отвечает за ее счастье, что у нее своя собственная жизнь:

– Не беспокойся так. Ничего страшного не произойдет, если ты не сможешь приехать. В любом случае я буду здорово занята. Моя учебная группа встречается практически без перерывов до конца экзаменов. Ты знаешь, каково это.

– Занимаешься ли ты еще чем-нибудь, кроме учебы и работы у мистера Ченнинга? – проконтролировал ее сын.

– Ты бы еще спросил, принимаю ли я витамин и достаточно ли много сплю, – рассмеялась Кэролайн.

– Ну правда, как ты?

Кэролайн представила себе Бена, его длинные ноги в кроссовках одиннадцатого размера, торчащие из телефонной будки, одна нога неслышно отбивает ритм. Она улыбнулась:

– Лучше расскажи, как ты? Как твои успехи, поскольку уж мы об этом заговорили?

– Хорошо, мама, вполне нормально, – рассеял Бен ее тревоги. – Слушай, я, может быть, приеду домой не один. Если я смогу, то дам тебе знать, когда меня ждать. Ничего, если я возьму кого-нибудь с собой?

– Конечно. – Кэролайн была удивлена и обрадована. Может быть, дела у Бена неплохи, если у него есть друг, которого он хочет пригласить домой в День Благодарения. – Кто приедет?

– Пока еще никто, – сказал Бен, и Кэролайн почувствовала улыбку в его голосе. – Ты контролируешь мою личную жизнь?

– Конечно. Для этого и существуют матери. Меня бы лишили этого звания, если бы я не захотела узнать, кого ты привезешь домой, даже если ты еще не знаешь, привезешь ли кого-нибудь.

Кэролайн улыбнулась самой себе. Разговаривать с Беном было намного проще, чем бороться с капризами Тессы. Наверное, это правда, что с ребенком противоположного пола иметь дело легче. Гарри никогда не понимал, почему Кэролайн и Тесса конфликтовали. Он и его дочь ни разу не сказали друг другу слова поперек.

– Ладно, не особенно рассчитывай на мой приезд, мам, но я, возможно, смогу это проверить. А если нет, то я дам тебе знать. И к тому же мы в любом случае увидимся на Рождество.

– Это было бы прекрасно. Мы все трое сдадим экзамены и сможем по-настоящему отдохнуть и насладиться обществом друг друга.

Кэролайн пыталась говорить весело, как будто мысль о Рождестве могла заслонить проведенный в одиночестве День Благодарения.

– И даже если я не смогу приехать, Тесса будет дома в День Благодарения. Когда прибывает наше любимое отродье?

– Через неделю, в среду. И не называй ее отродьем.

«Как я боюсь этого. Все больше угодливости ради денег. Все больше сравнений старых добрых дней, когда отец был здесь, с этими скучными, нищенскими подарками».

– Так дай мне знать, когда, где и кто, и я буду готова. – Кэролайн хотела закончить разговор на веселой ноте. – Всего хорошего, Бен.

– Тебе тоже, мам. Позвоню на следующей неделе.

Кэролайн повесила трубку, потянулась и вздохнула. Надо сделать еще множество заданий и обзорных работ. Это здорово, что работа так ее поглощает и некогда думать о Дне Благодарения.

Между занятиями, подготовкой к экзаменам и борьбой с компьютером Кэролайн с трудом нашла время хоть немного подготовиться к Дню Благодарения. В этом году придется обойтись без генеральной уборки дома и полирования серебра. Не будет возможности соорудить серебряное украшение для середины стола. В этом году в центре стола будут просто стоять хризантемы. Праздничный обед сокращен до минимума: индейка – да; картофельное пюре – нет; начинка – да; луковый соус – нет, и так далее. Приближающийся праздник принимал определенные очертания: праздник для троих, без Мейды и Гарри, без традиционных вечеринок в загородном клубе и без соседей.

Тесса позвонила, чтобы сказать Кэролайн, что приедет домой, как и планировала, за день до Дня Благодарения. Она говорила торопливо и взволнованно, как будто бы что-то скрывала. Кэролайн не стала задавать вопросов. Тесса не была хитрой. Что бы ее ни беспокоило, она расскажет об этом всем, и особенно своей матери, подробно и длинно, как только приедет домой. Кэролайн представила, как они будут проводить время вместе с Тессой, неторопливое, тихое время, как она и ее дочь попытаются наладить отношения друг с другом, которые будут укрепляться с каждым новым разговором.

В пятницу и субботу к Кэролайн, как обычно, придет ее учебная группа, и Кэролайн была обеспокоена тем, как отнесется Тесса к одноклассникам ее матери. Было бы так приятно думать, что эти молодые люди окажутся похожи друг на друга, но это было бы совсем нереалистично. Никто из группы не имел того социального происхождения и тех денег, которые были необходимы, чтобы стать другом Тессы Фолкнер.

«Она с каждым днем все больше похожа на Мейду». Эта мысль невольно возникла у Кэролайн. Даже мысли об этом ее расстраивали. Она знала, что Тессу это совсем не оскорбит и она воспримет сравнение с бабушкой как комплимент. Это тоже была весьма неприятная мысль.

Тесса приехала из школы в среду днем. Бен позвонил утром, чтобы сказать, что не сможет приехать домой, но Кэролайн надеялась, что они с Тессой проведут вместе теплые и счастливые каникулы.

Тесса вошла в дом в облаке холодного воздуха, пахнувшая дорогими духами и смеющаяся.

– Мама, привет, как дела? – Она поцеловала воздух рядом со щекой Кэролайн. – Я сказала Чаку и Брету, что дам им что-нибудь выпить перед тем, как они отправятся дальше.

Тесса махнула рукой в сторону двух молодых людей, которые вошли следом за ней. Не представив их Кэролайн, она повернулась, чтобы открыть холодильник.

– Привет, – сказала Кэролайн, дружески улыбаясь. – Я надеюсь, путешествие было не слишком утомительным. Много машин на дорогах?

Она подала руку одному из юношей, более высокому, с густыми каштановыми волосами и широкими плечами.

– Миссис Фолкнер, – сказал он, взяв ее руку. – Я Брет Мэдиган. Ваша кухня пахнет, как в День Благодарения.

– Спасибо, – улыбнулась ему Кэролайн. Он казался приятным молодым человеком. – Что вам предложить? У нас есть содовая, имбирное пиво и...

– Мама, ради Бога! – Тесса обернулась и взглянула на Кэролайн с ледяным неодобрением Мейды. Они хотят выпить. Мы уже не дети. Сейчас я достану. – Она подошла к шкафу, в котором стояло спиртное. – Что вы предпочитаете? Скотч, бурбон...

– Тесса, твои друзья снова сядут за руль, а синоптики обещали гололед. – Она повернулась к молодым людям. – Я терпеть не могу быть типичной мамашей, но смею надеяться, что вы предпочитаете слабые напитки, даже если вам уже больше двадцати одного года. Ведь так, не правда ли?

Воцарилась тишина. Затем мальчик, который был ниже ростом, с песочного цвета волосами, сказал:

– Хорошо, миссис Фолкнер. Я Чак Дональдсон, и я, пожалуй, выпью содовой. Спасибо.

Кэролайн подавила вздох облегчения. Тесса опять повернулась к холодильнику, сказав только:

– Я сейчас сделаю, Чак. Мама, – спросила она, засунув голову в холодильник, – зачем ты готовишь всю эту еду?

– Я знаю, этого слишком много, – сказала Кэролайн. – Просто не вижу способа приготовить небольшой благодарственный обед. Мы будем есть индейку весь уик-энд.

– Но ведь я же говорила тебе! – воскликнула Тесса. – Я собираюсь завтра к бабушке. Она пригласила еще кого-то, и я сказала, что приеду пораньше и останусь попозже в качестве помощницы хозяйки.

Тесса взглянула в ошеломленное лицо матери и быстро отвела взгляд.

– Я помню, что говорила тебе, мама. По телефону. На прошлой неделе. Ты сказала, что все поняла.

Тесса широко распахнула свои большие синие глаза и улыбнулась очаровательной улыбкой феи. Ее лицо всегда принимало такое выражение, когда она врала. Кэролайн видела его много раз после ухода Гарри. Брет и Чак выглядели смущенными.

– О, – сказал Брет, – посмотри на часы. Я не думал, что уже так поздно. Чак, лучше оставь свое питье. Мы должны ехать. Большое спасибо, миссис Фолкнер. Тесса, мы подхватим тебя в воскресенье днем, хорошо?

С этими словами они ушли. Тесса стояла спиной к матери, наливая содовую. Она фальшиво напевала себе под нос и постукивала пальцами. Ее улыбка все еще была на месте.

– Как тебе нравится мой свитер? Я только вчера его купила. Бабушка прислала мне денег. Отличный, правда?

– Тесса, ты не говорила мне, что собираешься к Мейде в День Благодарения.

Кэролайн казалось, что ее голос звучит; как скрипучая дверь.

– Я говорила, мама. – Тесса пожала плечами, все так же улыбаясь. – Ты просто не...

– Ты не говорила мне и прекрасно знаешь об этом. Мне кажется, ты должна позвонить бабушке и объяснить, что ты забыла предупредить меня и поэтому не сможешь приехать.

Кэролайн пыталась говорить твердо, но ее сердце трусливо забилося при мысли о том, что придется провести День Благодарения наедине с угрюмой, замкнутой Тессой.

– Я не могу и не буду. – Тесса скрестила руки на груди и нахмурилась. – Бабушка рассчитывает на меня. Некоторые ее друзья придут с детьми, которых я видела в последний раз, когда отец... – Ее голос охрип, и она прокашлялась. – Когда отец жил с нами. До того, как ты выгнала его. День Благодарения здесь, без него, только с тобой... Я не представляю себе такого. Извини, но я не представляю этого. Я рассказала бабушке о своих чувствах, и она вполне меня

поняла. Так что я собираюсь на ее вечеринку. Я уйду рано, чтобы помочь ей подготовиться. Ее шофер – как его зовут?

– Хуан, – прошептала Кэролайн, сдерживая слезы. – Шофера зовут Хуан.

– Все равно. В любом случае он заедет за мной около одиннадцати. И не беспокойся о том, как я вернусь домой. Хуан привезет меня обратно.

– Я и не беспокоюсь об этом, Тесса. Разумеется, у тебя все будет хорошо.

Кэролайн обнаружила, что больше не может говорить. Чувствуя себя одеревеневшей, как марионетка, она повернулась и вышла из кухни. Пока она поднималась по лестнице, слезы начали пробивать себе дорогу, несмотря на ее железный контроль. Пробежав последние несколько ступенек, она влетела в свою комнату и прислонилась к двери, руками закрывая рот, чтобы сдержать рыдания.

В этот вечер Кэролайн сделала зеленый салат – одно из любимых кушаний Тессы. По этой-то причине Кэролайн его и приготовила. Тесса была улыбчива и оживленна. Она добила своего и теперь стала любезной. Она потчевала Кэролайн историями из жизни колледжа: как она застряла в классе и писала работу почти всю ночь; как она поручила Чаку сделать за нее лабораторную работу по зоологии.

– Ты хочешь сказать, что не очень интересуешься своими занятиями?

Кэролайн думала о тысячах долларов, выделенных Тессе на образование, которого она, кажется, не хочет получать.

– О, мама, не будь такой жесткой только потому, что ты решила учиться в своей школе серьезно. Я уверена, что ты думала по-другому, когда училась в Бринвуде, а отец – в Пенне. – Тесса умильно улыбнулась. – Отец любил говорить, что вы проводили вместе каждую свободную минуту. Тебя действительно волновало, какую войну выиграли римляне или как проходит какой-нибудь химический опыт?

Кэролайн слабо улыбнулась, на мгновение вспомнив те дни. Она и Гарри были молоды и вскоре обнаружили, что влюбились друг в друга. Все те качества Гарри, которые позже выводили ее из себя, тогда очаровывали. Он пропускал занятия, слишком много пил, убивал время на студенческих вечеринках. Кэролайн думала, что он как раз такой, о котором она мечтала, – некто, кто не принимает ничего близко к сердцу, не суетится, не поучает. Словом, живет настоящим моментом. Он дразнил ее, потому что она слишком ревностно относилась к учению:

– Кэри, жизнь слишком коротка, чтобы беспокоиться о какой-то мертвой философии, – говорил он, закрывая книгу, которую она пыталась изучать.

Позже, когда они поженились и появились дети, она вдруг совершенно ясно увидела, что то, что казалось беззаботным очарованием молодости, на самом деле было инфантильностью. Гарри никогда не переставал смеяться над серьезным складом ее ума, но при этом никогда не переставал зависеть от нее, опираться на нее, использовать ее.

Кэролайн тряхнула головой, как бы проясняя все. Почему все эти воспоминания нахлынули на нее сейчас? Может, из-за продолжительной речи Тессы о папе и чудесных временах, которые у них были? Какое это имеет значение? Думать о прошлом, с которым давно покончено, – «только понапрасну тратить время и слезы», как любила говорить ее мать.

– Ты собираешься куда-нибудь сегодня вечером, Тесса, или мы посидим у огня, поьем какао и поговорим?

Тесса быстро подняла глаза:

– Как ты догадалась? У Мэри Ковингтон сегодня вечеринка, и я сказала, что приду. Ты ведь не возражаешь, мама? – Она была уже готова направиться к вешалке. – Я пешком. Здесь совсем рядом. Не волнуйся, я вернусь не поздно.

– Нет, конечно, нет. Постарайся не поднимать слишком много шума, когда придешь. Я, вероятно, буду спать.

Кэролайн не была расстроена тем, что Тесса уйдет из дома в этот вечер. Она обнаружила, что разговаривать с дочерью – тяжелая работа. Но ей не хватало той маленькой девочки, такой веселой и шустрой, которая так стремилась делать все вместе с мамой.

На рассвете Дня Благодарения солнце осветило голые ноябрьские деревья и выцветшие лужайки. Это был воистину последний осенний день, хрупкий, холодный и ослепительный. Кэролайн села за кухонный стол и задумалась, чем же ей сегодня заняться. Учиться? Она не могла смотреть ни на одно дело, ни на одну страницу тщательно составленного курсового конспекта. Нет, должно было найтись что-то другое, чем бы ей хотелось заняться.

Прошлой ночью Кэролайн несколько часов лежала в постели без сна, захлебываясь то от жалости к себе, то от слез. Это был один из самых худших моментов ее жизни после развода. Провести День Благодарения в одиночестве? Невыносимо было думать об этом, но она должна была об этом думать. Был ли какой-то выход? Она могла позвонить Лиз и Бордену. Она знала, что всегда получит приглашение в их дом. У нее было несколько других друзей, которые очень обрадовались бы ей, приди она даже без всякого приглашения. Впрочем, Кэролайн знала, что если она вмешается в семейную подготовку к празднику, нарушит традиции других людей, ей будет еще хуже, чем сейчас. Жалость к себе была побеждена, по крайней мере, временно, но Кэролайн понимала, что она может вернуться назад, и еще более сильной, чем прежде. Ей нужно было подумать о чем-нибудь отвлеченном.

С этой мыслью пришло озарение. Кэролайн открыла телефонную книгу и начала звонить. После третьего звонка она улыбнулась и направилась в кухню. Когда Тесса медленно спускалась по лестнице в десять часов, Кэролайн как раз начала печь пироги и фаршировать индейку.

– Ммм, как хорошо пахнет, мама. – Тесса ностальгически улыбнулась и, зайдя в кухню, понюхала воздух. – Ты всегда делаешь потрясающие пироги. Но зачем ты готовишь? Я ничего не захочу, когда вернусь. Ты же знаешь бабушку, она каждого откормит до второго подбородка. А тебе не съесть все это самой.

– Я и не собираюсь. – Кэролайн проворно двигалась по кухне. – Ты можешь сама приготовить себе завтрак, Тесса? Мне очень некогда.

– Конечно, – заинтригованно произнесла Тесса. – Но почему ты так спешишь?

– Я должна быть в одном месте в два часа, – сказала Кэролайн, не глядя на дочь. – Там вафли в холодильнике и яйца, если ты хочешь плотно позавтракать.

– Нет, спасибо. Ломтик поджаренного хлеба и апельсиновый сок – этого вполне достаточно. Куда ты собираешься?

– Ты бы лучше посмотрела на часы. У Хуана, вероятно, еще множество поручений на сегодня. Он рассердится, если ты заставишь его ждать.

Тесса плеснула себе немного сока и с любопытством взглянула на мать. Затем бросила взгляд на настенные часы:

– Ого! Ты права. Пойду-ка я в душ, а то сеньор Хуан расскажет бабушке, что я заставила его ждать.

Тесса бросилась к лестнице. Когда она через полчаса уходила, одетая в мягкий синий свитер и юбку-шотландку, с блестящей копной каштановых свежевывмытых локонов, Кэролайн попрощалась с ней нежно, но чуть рассеянно.

Около двух часов Кэролайн подъехала к большому обветшалому зданию в Филадельфии. Пришлось поторопиться, но она все закончила вовремя и успела принять душ и переодеться в мягкое серое вязаное платье и черные туфли на низком каблуке. Вокруг шеи у нее был повязан серый с розовым шарф. Когда она приехала на вокзал в Филадельфии, ее встретили и посадили в старый разбитый драндулет. Прибыв к месту назначения, двое из сопровождавших внесли в дом весь обед, приготовленный Кэролайн к Дню Благодарения, включая клюквенный соус и взбитые сливки для пирогов. Несколько людей суетились, сервируя длинные столы, заполнявшие похожую на пещеру комнату. Кэролайн отнесла свои приношения во временную кухню

с задней стороны комнаты. Она присоединилась к другим женщинам и мужчинам, накрывающим столы. Работая, Кэролайн невольно улыбалась. Время от времени кто-нибудь начинал петь гимны, другие подхватывали; то тут, то там вспыхивал смех. Да, она приехала в нужное место.

К Кэролайн подошел высокий импозантный чернокожий мужчина.

– Большое вам спасибо за ваше неожиданное великодушие, – сказал он, взяв ее за руку. – Мы нуждаемся в любой пище и помощи, которую можем получить, особенно в День Благодарения. Мы все хотим, чтобы это был настоящий праздник для каждого.

– Мне приятно принять участие в вашей работе, – сказала Кэролайн.

Все три двери были открыты, и начали приходить обедающие. Здесь были пожилые мужчины и женщины, сгорбленные и измученные, и молодые семьи с маленькими детьми на руках. Всех их объединяло одно: как и у Кэролайн, у них не было места, где они могли бы провести этот День Благодарения. Некоторые были бездомными, некоторые жили в маленьких комнатах. Иные потеряли свои семьи, а кое у кого их никогда не было.

В течение двух с половиной часов Кэролайн накладывала еду на тарелки, наполняла салатницы, помогала есть детишкам, подогревала питание для младенцев. К тому времени, когда она наконец вымыла и собрала свои блюда и чаши, ноги ее устали, но на сердце просветлело.

«Это то, что мне было нужно, – подумала она. – Люди, которые могут смеяться, петь и помогать друг другу, несмотря на все превратности судьбы. Этот дом заставляет людей перестать жалеть себя». Несмотря на все свои проблемы, которые иногда становились такими сложными, Кэролайн осознала, что она очень счастливая женщина.

Чересчур взволнованная, чтобы возвращаться обратно в свой пустой дом в Бринвуде, Кэролайн задумалась, что делать. Она знала, что вечеринки у Мейды продолжались долго. Когда один из шоферов спросил ее, куда она хочет поехать, она мгновение помедлила, а потом решила:

– В юридическую школу «Урбана».

Она заберет из своего шкафчика некоторые бумаги, которые нужно просмотреть, и если сможет, то сделает с них фотокопии для одноклассников.

К несчастью, школа оказалась закрыта. Кэролайн толкнула переднюю дверь, только чтобы обнаружить, что она заперта, а зал за стеклянной дверью темный и пустой. Потом она вспомнила, что боковые двери иногда оставляют открытыми, и пошла через холодную осеннюю тьму за угол этого бетонного здания. Одна из боковых дверей была не заперта, и Кэролайн прошла внутрь. Вестибюль был освещен, но пуст и безмолвен. Ее шаги эхом отдавались в длинном пустом коридоре, и от воспоминаний о сценах из кинофильмов, снятых в таких пустых школьных коридорах, волосы у нее стали дыбом: пальцы-когти Роберта Энглунда, топор Джека Николсона... Возможно, это была не слишком хорошая идея.

Кэролайн подошла к лифту. Ее шкафчик находился на пятом этаже. Подъем вверх был сверхъестественно тих. Кэролайн не ездила в пустом лифте в школе. Он вечно был забит студентами и преподавателями.

Двери лифта открылись, и Кэролайн вышла в темный коридор пятого этажа. Она положила свои вещи на пол около лифта, чтобы потом легко найти их, затем огляделась вокруг, пытаясь выбрать направление. Здесь горел слабый свет, но после яркого освещения в лифте Кэролайн почти ничего не видела. Она побрела по коридору, держась рукой за стену.

После нескольких робких шагов она почувствовала уверенность и пошла быстрее.

Прямо в чье-то теплое тело:

– О, Боже!

Пронзительный крик Кэролайн, почувствовавшей, что вокруг нее сомкнулись сильные руки, был достоин истеричных киногероинь.

– Миссис Фолкнер. – В низком голосе не было вопроса. Дэниел знал, чье тело обнимал. – Кэролайн.

– Дэниел.

Она вдыхала запах накрахмаленной одежды и одеколona. Она чувствовала его плечи под шершавым твидовым пиджаком. Не профессор Фрателли – Дэниел.

Он больше ничего не сказал, но не отпустил ее. Кэролайн снова пробормотала его имя, но не шевельнулась, чтобы освободиться из его объятий. Она медленно подняла голову, а Дэниел опустил свою. Когда его голова заслонила все окружающее, характер темноты изменился. Их губы встретились, тела прижались друг к другу. У Кэролайн перехватило дыхание, и руки Дэниела крепче обняли ее.

Его губы на мгновение оторвались от ее губ и сразу же вернулись, легонько целуя уголки ее рта.

– Хорошо, как хорошо, – пробормотал он, провел языком по ее сжатым губам, и они медленно раскрылись.

– Дэниел.

Кэролайн выдохнула его имя так тихо, что воздух едва шелхнулся. Она почувствовала, что этот момент когда-то был предопределен. Не было никого другого, чьи объятия она могла найти так безошибочно, так полно доверяя им. Не было других рук, не было другого тела, которые она могла чувствовать так хорошо, как его. Не было никого другого, кто мог бы без слов узнать ее.

– Да, да, Кэролайн. – Его губы двигались по ее подбородку к мочке уха. Она чувствовала, как его дыхание шевелит волосы на ее шее. – Откуда ты взялась? – спросил он с улыбкой в голосе.

Они одновременно начали медленно отодвигаться друг от друга. Какое-то время ее пальцы ласкали его лицо, прослеживая все его выпуклости и изгибы, трогая его мягкую бороду, плавные линии и завитки его ушей.

Кэролайн улыбнулась. Она увидела, что он ее понял. Они оба скрестили свои пальцы и сказали: «Королевский крест» – как дети на площадке, когда хотят выйти из игры. В их жизнях, наполненных ответственностью и обязательствами, этот волшебный момент был вне игры. Он не засчитывался.

– Иди ко мне.

Дэниел взял ее руку, но Кэролайн отстранилась.

Волшебство кончилось. Нужно забыть об этом моменте соперничества с Дэниелом Фрателли, иначе она пропала. Ее жизнь обрела форму и значение из-за ее обязательств по отношению к работе, из-за ее решения стать юристом. Здесь не было времени и места для увлечения, в особенности одним из ее профессоров, и уж, конечно, не этим. Дэниел очень легко мог стать для нее важнее, чем любой другой мужчина. Достаточно важным, чтобы угрожать ее целям.

Мысль о том, что сейчас могла бы возникнуть связь между ней и Дэниелом, которая пошла бы дальше молчаливого поцелуя в темноте, испугала Кэролайн, как если бы она захотела этого. Она знала, что ее влекло к нему, влекло все время. Теперь, признав это, Кэролайн должна была что-то с этим сделать. Был ли это просто моментальный порыв, которому они поддались в темноте, или она была рискованно близка к связи? Первое было новым и неиспытанным. Для второго она чувствовала себя израненной, чтобы делать подобную попытку.

Кэролайн не одобряла связи, и ее сердце предостерегало ее, в то время как тело инстинктивно откликалось на эту мысль. Поцелуй Дэниела. Тело Дэниела. Потребность в Дэниеле.

О, Боже, что она наделала?

Глава 9

– Хочешь поехать ко мне домой? – спросил Дэниел, повернув ключ зажигания, и тут же покачал головой. – Прости. Я знаю, как это звучит: «Поехали, и позволь мне соблазнить тебя».

Он передвинулся на водительское место и взглянул на Кэролайн. При ярком верхнем свете ее лицо казалось лишенным красок, а глаза были огромными. Дэниел не был уверен, что правильно понимает выражение ее лица: на его взгляд, она была ошеломлена.

– Ты выглядишь немного растерянной. – Он подвинулся ближе и коснулся ее щеки, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Как уцелевшая после землетрясения.

– Нет, – попыталась засмеяться Кэролайн. – Я была такой в течение долгого времени.

– Ты жалеешь, что мы встретились сегодня, Кэролайн? Я – нет, но ты кажешься... озабоченной. Как будто сделала что-то ужасное.

– Да. – Кэролайн выдавила полуулыбку. – Это как раз то, что я чувствую.

– Потому что я поцеловал тебя?

– Нет. – Кэролайн взглянула на него бездонными глазами. – Потому что я поцеловала тебя.

Дэниел снова улыбнулся:

– В самом деле? Не знаю, как тебе, а мне это понравилось. – Кэролайн ничего не сказала. – А, Кэролайн? Или ты не знаешь?

– Я... Я не уверена. – Ее лоб сморщился, как если бы ей задали вопрос, требующий серьезных раздумий.

– Если ты поедешь ко мне домой, мы сможем повторить это – строго в духе научных исследований, ты понимаешь. – Дэниел улыбнулся, блеснув белыми зубами, резко контрастирующими с его темной бородой. – Это даст тебе больше свидетельств для рассмотрения. Я могу предложить также сливочное ореховое мороженое, если поцелуи тебя не привлекают.

– Ты подкупаешь меня? – нерешительно улыбнулась Кэролайн.

– Пытаюсь.

Он погладил ее щеку указательным пальцем. – Я не хочу, чтобы ты это делал. – Кэролайн смотрела ему в глаза, как будто пытаясь найти в них ответ на какую-то загадку.

– Почему же? – усмехнулся Дэниел. Она была прекрасна даже в свете галогеновых ламп. – Ты поддаешься искушению?

– Да, очень. И поэтому не надо. – Кэролайн медленно подняла руку к его лицу и, не коснувшись его, опустила ее на колени. – Это пугает меня.

– Это? – повторил Дэниел. Он погладил ее волосы. Они были гладкими и мягкими, как атлас. – Что такое «это»? Что пугает тебя, Кэролайн?

– Ты. – Она шумно вздохнула. – Я. Это.

– Что ты подразумеваешь под «этим»? Что означает «это»?

Дэниел прекрасно знал, что она имела в виду, но хотел, чтобы она сама сказала это. Он хотел, чтобы она призналась в том, что произошло между ними.

– О, остановись. Перестань вести себя как профессор, и все время задавать вопросы, на которые невозможно ответить. «Всегда ли доктрина квазиконтракта применима к Закону о мошенничестве, мисс Фолкнер? Так что ты подразумеваешь под «этим», Кэролайн?»

Ее имитация напыщенного болтуна была жестокой.

Дэниел рассмеялся. Ему нравилось, когда она раздосадована. Она или скажет тебе правду, или не скажет ничего. Совсем не как Элисон.

Откуда вдруг опять пришло это сравнение? Он думал о своей бывшей жене весь день, но только из-за Сары. Он беспокоился всякий раз, когда их дочь проводила время с Элисон. Элисон была... ненадежна.

– Не сиди так, – сказала Кэролайн. – Защищайся. Скажи что-нибудь. Все равно что.

– Я очень хочу, чтобы ты пошла ко мне домой выпить или поесть мороженого. Я готов предложить тебе все что угодно, лишь бы ты согласилась провести со мной остаток этого вечера. – Дэниел отодвинулся к краю сиденья. Он не хотел давить на нее и готов был предоставить ей любое пространство, какое ей было нужно. – Мне нравится твоё общество, но я не заставляю тебя. Если хочешь, я прямо сейчас отвезу тебя обратно в Бринвуд.

Кэролайн подумала о вечере, который придется провести в одиночестве в ожидании Тессы. Все добрые чувства, наполняющие ее, будут медленно утихать и окончательно исчезнут после первого же саркастического замечания ее дочери.

– Я не хочу ехать домой прямо сейчас. – Кэролайн глубоко вздохнула и сказала то, чего, конечно, не должна была говорить: – Я поехала бы к тебе домой, если бы была уверена, что никого не побеспокою.

– Кого же ты думаешь там встретить? Шесть танцовщиц с украшениями на пупках, ждущих от меня удовольствий?

Теперь это больше было похоже на прежнего Дэниела Фрателли, легко раздражающего, но забавного. Не такого мягкого и сексуального, каким он был, когда целовал ее в коридоре пятого этажа. Они с легкостью вернулись к своим обычным взаимоотношениям. Небольшие следы сожаления остались у Кэролайн в душе, но облегчение подавило их. Она не хотела осложнений из-за избытка чувств.

После ухода Гарри ей необходима была уверенность в том, что она все еще привлекательна, и несколько раз она встречалась с мужчинами. Неудачи, полные и совершенные неудачи. Ее попытки вести легкомысленную беседу не увенчались успехом, а ее ответом на любые физические предложения было паническое бегство.

Может быть, ей всегда чего-то не хватало или же она утратила это в начале своего замужества. В любом случае, ее способность к любви, или удовольствиям, или даже просто физической близости ушла. Кэролайн решила, что никогда больше не допустит стремления к роману, к любви, к сексу или к чему-то в этом роде. Ее подавлял тот факт, что она пасует, когда дело доходит до связи с мужчиной.

И с Дэниелом Фрателли неудача наверняка будет такой же полной, как и опустошение, которое последует за этим. Она не будет, не может снова проходить через это. Выпивка, смех, шутливые замечания о последующих решениях Верховного Суда, поцелуй... Кэролайн сказала себе, что сможет удержаться от этого, несмотря на удовольствие, полученное от предыдущих поцелуев.

«Все в порядке, – уговаривала она себя, пока они в полном молчании ехали по улицам города. – Я не буду этого делать. Это глупо. Это значит лезть на рожон. Но я хочу. Хочу быть с ним. Я не позволю этому зайти слишком далеко. Я знаю, когда остановиться. Сейчас. Сейчас пора остановиться».

– Приехали.

«Слишком поздно».

– Вот и мое скромное жилище...

Дэниел ввел ее в свой дом. Кэролайн была удивлена тем, что он находится в очаровательном уголке Филадельфии неподалеку от Дома Независимости, где были любовно восстановлены старинные улицы с домами XVIII и XIX столетий. Кэролайн всегда думала о светском районе как об элегантном изысканном месте обитания любителей истории и собирателей древности. Она не предполагала, что в таком месте может жить Дэниел Фрателли.

Гостиная, которая занимала всю длину дома, стала следующим сюрпризом. В этом ярко-желтом китайском шелке с хризантемами, обтягивающим кушетки и кресла, в этих гармонирующих портьерах на окнах чувствовалась рука профессионального декоратора. Красная лакированная коромандельская ширма закрывала стену за кушеткой. Но рядом с великолепными

достижениями декоратора здесь царил беспорядок, который явно принадлежал Дэниелу и его дочери. Юридические обзоры и журналы, газеты, кукла Барби, копия «Сэсси» – все нашло себе место рядом с хрустальными вазами для цветов и китайскими нефритовыми статуэтками.

– Не смотри так ошарашенно. Ты думаешь, что мне не нравятся изделия Шумахера и роскошная жизнь, мисс Фолкнер?

Кэролайн продолжала разглядывать комнату. Она увидела сундук красного дерева в стиле «чиппендейл», на котором две папки с судебными делами уравновешивали китайскую чашу с благовониями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.